Наканунѣ пробужденія.

Сборникъ статей по еврейскому вопросу

І. В. Гессена, М. Б. Ратнера и Л. Я. Штернберга.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРАВО“.

С.-Петербургъ, Загородный проспектъ, 2.

ИЗДАНІЯ СОБСТВЕННЫЯ И ПОМѢЩЕННЫЯ НА СКЛАДѢ:

ГЕССЕНЪ, Ю. И. Евреи въ Россіи. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русскихъ евреевъ. 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.

— **Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Велижская драма.** 1905 г. Ц. 1 р.

— **Евреи и массонство.** 1904 г. Ц. 40 к.

МАКОЛЕЙ, ЛОРДЪ. О гражданскихъ правахъ евреевъ. Перев. съ англ. 1905 г. Ц. 15 к.

СОВРЕМЕННЫЯ КОНСТИТУЦІИ. Сборникъ дѣйствующихъ конституціонныхъ актовъ. Томъ I. Конституціонныя монархіи. Переводъ подъ ред., съ вступит. очерками и примѣчаніями пр.-доц. В. М. Гессена и доц. Бар. Б. Э. Нольде. 1905 г. Ц. 3 р. (въ перепл.). Т. II-ой печатается.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ СТРОЙ СОВРЕМЕННЫХЪ ГОСУДАРСТВЪ. Томъ I. Сборникъ статей П. І. Виноградова, В. М. Гессена, М. М. Ковалевскаго, Н. Е. Кудрина, Н. И. Лазаревскаго, М. Н. Покровскаго и М. А. Рейснера. 1905 г. Ц. 3 р.

КОНСТИТУЦІОННОЕ ГОСУДАРСТВО. Сборникъ статей З. Авалова, В. В. Водовозова, прив.-доц. В. М. Гессена, прив.-доц. М. Б. Горенберга, А. К. Дживелегова, проф. Н. И. Карѣева, прив.-доц. С. Котляревскаго, Н. Е. Кудрина, прив.-доц. Н. И. Лазаревскаго, М. Н. Покровскаго, М. А. Рейснера и проф. Л. В. Шаланда. 2-ое дополненное изданіе. 1905 г. Ц. 1 р.

КРЕСТЬЯНСКІЙ СТРОЙ. Томъ I. Сборникъ статей А. С. Лаппо-Данилевскаго, В. И. Семевскаго, А. А. Корнилова и И. М. Страховскаго. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

НУЖДЫ ДЕРЕВНИ по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Томъ 2-й. Сборникъ статей (по вопросамъ экономическимъ). 1905 г. Ц. 3 р. 50 к.

ГЕССЕНЪ, І. В. Юридическая помощь населенію. 1904 г. Ц. 30 к.

МЕЛКАЯ ЗЕМСКАЯ ЕДИНИЦА. Сборникъ статей. 1904 года. Изданіе 2-ое, переработанное и дополненное. Ц. 2 р. 50 к.

МЕЛКАЯ ЗЕМСКАЯ ЕДИНИЦА въ 1902—1903 гг. Сборникъ статей. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.,

ЛЮБЛИНСКІЙ, Н. И. Преступленія противъ избирательнаго права. 1906 г. Ц. 75 к.

ЛАЗАРЕВСКІЙ, Н. И. Отвѣтственность за убытки, причиненные должностными лицами. 1905 г. Ц. 4 р. 50 к.

ДРУЖИНИНЪ, Н. Н. Очерки крестьянской общественной жизни. Сборникъ статей 1905 г. Ц. 3 р. 50 к.

МИКЛАШЕВСКІЙ, А. Н. Статьи и соціальный вопросъ. Право статей. 1905 г. Ц. 30 к.

DS
.S5

Наканунѣ пробужденія.

Сборникъ статей по еврейскому вопросу

І. В. Гессена, М. Ѣ. Ратнера и Л. Я. Штернберга.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

2K

„Пров 38“

Типо-Литографія А. Г. Розена (А. Е. Ландау). СПБ. Театральная площадь, 2.

БИБЛІОТЕКА
СВЯЩЕННОЙ
АКАДЕМІИ
3776
24

Опять еврейскіе погромы, опять широкою рѣкою полилась еврейская кровь.

Когда то евреевъ били и грабили за то, что они эксплоатируютъ коренное населеніе, что они—поработители народа. Теперь, съ легкой руки Плеве, ихъ убиваютъ и жгутъ за то, что они выступаютъ подъ красными флагами, что они являются освободителями народа.

Ужъ самъ по себѣ этотъ размахъ амплитуды—между двумя противоположными полюсами—краснорѣчивѣе всякихъ словъ доказываетъ, что истинная причина „еврейскаго вопроса", лежитъ внѣ національныхъ особенностей. Вся отвѣтственность за эти средневѣковые ужасы лежитъ на самодержавномъ правительствѣ, которое изъ всѣхъ сторонъ нашей государственной жизни сумѣло сдѣлать тяжелые вопросы, на которые теперь тщетно ищетъ отвѣта. Оно, это правительство, въ теченіе долгихъ лѣтъ

держало евреевъ въ унизительномъ, безправномъ положеніи, оно внушало мысль, что по отношенію къ евреямъ все позволено, оно сдѣлало такимъ образомъ изъ еврейства мишень, о которую разбивались волны всякой народной встряски, всякаго стихійнаго урагана.

Теперь, когда самодержавіе уже пало, когда мы стоимъ наканунѣ обновленія всей нашей жизни, когда предстоитъ ликвидировать всѣ неоплаченные счеты, теперь представляется необычайно важнымъ прояснить общественное сознаніе, напомнить, какъ вело себя правительство по отношенію къ евреямъ, что̀ имъ приходи̇лось переживать, и какъ подъ этимъ вліяніемъ пробудилось ихъ самосознаніе, и выковались современныя ихъ требованія.

Въ этихъ видахъ и переиздаются въ настоящемъ сборникѣ напечатанныя разновременно статьи поименованныхъ на обложкѣ авторовъ, ставящихъ своей цѣлью доказать, что внѣ признанія за евреями гражданскаго и политическаго полноправія нѣтъ и не можетъ быть рѣшенія еврейскаго вопроса.

Особенно важно обосновать это положеніе въ настоящую минуту, когда въ такомъ

именно смыслъ высказался 6-й съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, и голосъ его прозвучитъ по всей Россіи. Мы были бы счастливы, если бы настоящимъ изданіемъ могли способствовать выясненію, что тотъ путь, на который сталъ съѣздъ, является единственно правильнымъ и возможнымъ.

І. В. ГЕССЕНЪ

НАКАНУНѢ XX СТОЛѢТІЯ

Наканунѣ XX столѣтія. *)

I

Законъ.

Und ich hab es doch getragen,
Aber fragt mich nur nicht: wie?
Heine.

Чѣмъ труднѣе дышется, чѣмъ тяжелѣе жизнь, — тѣмъ съ большимъ упованіемъ человѣкъ ожидаетъ наступленія условныхъ граней, которыми мы отдѣляемъ одинъ отъ другого опредѣленные промежутки времени.—Когда опрокидываются всѣ логическіе разсчеты, когда дѣйствительность пере-

*) Въ ряду долгихъ лѣтъ систематической несправедливости и неуваженія къ человѣческой личности реакціонная эпоха восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ была особенно тяжела для евреевъ, и потому болѣе подробное разсмотрѣніе отношенія къ нимъ въ это мрачное время закона и административной практики представляетъ весьма назидательную страничку изъ скорбной исторіи русскаго еврейства.

стаетъ реагировать на благоразумные доводы ума и чувства, тогда, подобно безнадежно больному, обращающемуся отъ медицинскихъ свѣтилъ къ знахарству, остается надѣяться на авось, на помощь сверхъестественныхъ силъ.

Приблизительно въ такомъ положеніи находились (да и находятся, конечно) русскіе евреи на зарѣ такъ много обѣщающаго XX столѣтія. „Быть можетъ, пишетъ одинъ изъ нихъ въ запискѣ, представленной въ министерство внутреннихъ дѣлъ, Богу угодно будетъ и впредь продолжать то испытаніе цѣлой массы вѣрноподданныхъ Государя Императора... Но, быть можетъ, попеченіе правительства о всѣхъ вѣрноподданныхъ Государя вызоветъ къ евреямъ болѣе милостивое отношеніе“.

Эта надежда къ концу столѣтія не сбылась... Вообще XIX вѣкъ, вѣкъ безпринципности и оппортюнизма, не представлялъ удобной почвы для взращенія миртъ. Торжествующей буржуазіи, въ жадномъ стремленіи сохранить свою позицію, удалось укрыться за цѣлый рядъ Prügelknaben, которыхъ и наказывали за ея грѣхи. Однимъ изъ наиболѣе удобныхъ, по истинѣ тѣмъ Мака-

ромъ, на котораго, по пословицѣ, всѣ шишки валятся, оказалось еврейское племя.—Пользованіе этими Prügelknaben примѣнялось въ весьма широкихъ размѣрахъ и не замедлило принести пышный плодъ; въ одномъ изъ недавнихъ уголовныхъ процессовъ молодой рабочій, убившій еврея, на вопросъ, почему онъ это сдѣлалъ,—не задумываясь отвѣтилъ: „баютъ, за нихъ суда нѣтъ".—Такъ перевелъ этотъ сынъ народа на свой простой языкъ, освобожденный отъ conventionelle Lüge, сущность отношенія къ евреямъ.

Послѣднее десятилѣтіе не уклонилось отъ работы вѣка.—Предпринятый законодательный пересмотръ положеній объ евреяхъ не подвигается ни на шагъ. Собираются матеріалы, созываются и распускаются комиссіи, каждый разъ сызнова начинаются работы, засимъ признаются негодными и т. д. и т. д. Однако „впредь до законодательнаго пересмотра" (фраза, неизмѣнно повторяющаяся во всѣхъ законахъ, касающихся евреевъ) продолжаютъ приниматься временныя мѣры, приносящія весьма чувствительныя послѣдствія. Ограничить, преградить—таковъ общій лозунгъ всѣхъ этихъ мѣръ.

Съ клеветническихъ страницъ „Новаго Времени“ въ оффиціальные акты переходятъ утвержденія вродѣ того, что „религія евреевъ въ дѣлахъ съ христіанами разрѣшаетъ нарушеніе всѣхъ нравственныхъ принциповъ“, или, что „между евреями выработалось наслѣдственное враждебное отношеніе къ распоряженіямъ правительственныхъ властей, а слѣдовательно и къ правительственному строю“. Подобныя утвержденія принимаются вполнѣ въ серьезъ и считаются нетребующими никакой провѣрки. Между тѣмъ, насколько такія смѣлыя заявленія вообще соотвѣтствуютъ дѣйствительности, можно судить хотя бы по слѣдующему примѣру. Состоявшая при министерствѣ юстиціи изъ самыхъ видныхъ судебныхъ дѣятелей комиссія, обсуждая вопросъ объ ограниченіи доступа евреевъ въ адвокатуру, сообщаетъ въ объяснительной запискѣ къ проекту, что, благодаря мѣрамъ послѣдняго времени, „главнѣйшимъ или даже единственнымъ убѣжищемъ для евреевъ, получившихъ юридическое образованіе, сдѣлалось поступленіе въ присяжные или частные повѣренные“, что и вызвало переполненіе адвокатуры еврейскимъ элеме-

томъ. „На ряду съ симъ, пишетъ далѣе комиссія, неоднократно удостовѣренные предосудительные и недостойные званія присяжнаго повѣреннаго поступки евреевъ съ достаточной убѣдительностью указывали на вредное вліяніе столь большого прилива евреевъ въ среду повѣренныхъ".

Казалось бы, какъ не повѣрить столь авторитетному заявленію? Но когда С.-Петербургское юридическое общество, разсматривая этотъ вопросъ, подошло къ нему съ безпристрастными цифрами въ рукахъ, то оказалось, что изъ представленныхъ комиссіи предсѣдателемъ петерб. совѣта присяжныхъ повѣренныхъ цифровыхъ данныхъ о движеніи дисциплинарной судимости въ С.-Петербургскомъ округѣ за періодъ времени съ 1885 г. по 1895 г. усматривается, что за время усиленнаго наплыва евреевъ въ адвокатуру съ 1885 по 1890 г., когда процентное отношеніе евреевъ къ общему числу присяжныхъ повѣренныхъ достигло цифры 22%, общая дисциплинарная судимость отнюдь не была выше дисциплинарной судимости слѣдующаго пятилѣтія (1890—1895 гг.), когда, въ силу Высочайшаго повелѣнія 8 ноября 1889 года, доступъ евреевъ въ адвокатуру фактически

былъ прегражденъ, и процентное отношеніе евреевъ къ общему числу присяжныхъ повѣренныхъ понизилось до 13,4%. Въ теченіе пятилѣтія 1885—1890 гг., къ концу котораго число евреевъ достигло 22,4%, по „проступкамъ особо важнымъ еврейская судимость равнялась 0, а по проступкамъ маловажнымъ достигала 12,7%—16%“, т. е. всегда была ниже процентнаго отношенія евреевъ къ общему числу повѣренныхъ. Ну и что же? Раскрытіе этой основной ошибки, совершенно опровергающее исходную точку комиссіи, заставило ее взять назадъ несправедливое обвиненіе, уничтожить ничѣмъ не вызванное стѣсненіе? - Нисколько. Бываютъ моменты, когда и сила цифръ склоняется предъ духомъ времени.

Лишь изрѣдка раздаются отдѣльные трезвые голоса среди высшихъ чиновъ администраціи, настаивающіе на томъ, что, если евреи и плохи, то ихъ „нужно перевоспитать, а процессъ перевоспитанія сложенъ и труденъ, и задача правительства должна состоять въ томъ, чтобы по возможности благопріятствовать этому процессу, или по крайней мѣрѣ не задерживать его. Въ этомъ отношеніи распоряженія правительства будутъ

цѣлесообразны тогда лишь, когда не будутъ налагать стѣсненій, не вызываемыхъ необходимостью, и особенно стѣсненій, распространяемыхъ не на всѣхъ одинаково. Въ противномъ случаѣ мѣропріятія не приведутъ къ цѣли". Къ сожалѣнію, эти рѣдкіе голоса исчезаютъ въ общемъ хорѣ вражды и нетерпимости...

По времени появленія слѣдуетъ прежде всего отмѣтить Высочайшее повелѣніе 10 апрѣля 1890 г. о томъ, чтобы „принятіе лицъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій въ число частныхъ повѣренныхъ при уѣздныхъ съѣздахъ, впредь до изданія особаго по сему предмету закона, допускать не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, по представленіямъ о семъ предсѣдателей уѣздныхъ съѣздовъ". Этотъ законъ повторяетъ лишь по отношенію къ образованнымъ по закону 12 іюля 1889 г. судебнымъ учрежденіямъ то начало, которое годомъ раньше (8 ноября 1889 г.) установлено было, по иниціативѣ бывшаго министра юстиціи Н. А. Манасеина относительно всей адвокатуры вообще. Мы уже упоминали выше о томъ, насколько этотъ законъ вызванъ дѣйствительными потребностями жи-

зни, и намъ остается лишь замѣтить, что за десять лѣтъ дѣйствія даннаго Высочайшаго повелѣнія имѣлъ мѣсто лишь одинъ случай принятія еврея въ присяжные повѣренные, еврея, прослужившаго 25 лѣтъ членомъ суда. Больше не оказалось ни одного еврея, достойнаго получить званіе присяжнаго или частнаго повѣреннаго, несмотря на то, что многіе изъ нихъ пользуются весьма почетной репутаціей, какъ блестящіе ораторы, занимаютъ видное мѣсто въ юридическомъ обществѣ и извѣстны своими научными трудами. Очевидно поэтому, что разсматриваемое Высочайшее повелѣніе, вопреки его прямому смыслу, примѣняется на практикѣ, какъ абсолютное запрещеніе доступа евреевъ въ адвокатуру. Но мало того, дѣйствіе приведеннаго закона не исчерпывается преграждениемъ доступа въ адвокатуру новымъ аспирантамъ; то и дѣло онъ отнимаетъ право веденія чужихъ дѣлъ у лицъ, которыя давно этимъ правомъ пользовались. Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ территоріальнаго роспространенія реформы 12 іюля 1889 г. (о земскихъ начальникахъ и городскихъ судьяхъ) частные повѣренные, состоящіе при упраздняемыхъ мировыхъ съѣздахъ, остаются, такъ

сказать, за штатомъ и для пріобрѣтенія права вести дѣла въ уѣздныхъ съѣздахъ должны получить отъ послѣднихъ особое свидѣтельство, а такія свидѣтельства, какъ уже выше было упомянуто, евреямъ фактически не выдаются

По этому поводу (рѣчь идетъ о распространеніи положенія о земскихъ начальникахъ на сѣверозападныя губерніи) мы писали въ „Правѣ“ (№ 31 за 1900 г.) „такой исходъ, не говоря уже о полномъ несоотвѣтствіи его элементарнымъ требованіямъ справедливости, едва ли вызывается смысломъ и цѣлью Высочайшаго повелѣнія 1890 г. Въ самомъ дѣлѣ—этотъ законъ, какъ видно изъ текста его, вовсе не ставилъ своей задачей преградить всякій доступъ евреямъ къ адвокатурѣ; онъ, очевидно, желалъ лишь сократить, сколько возможно, наплывъ ихъ и допускать только лицъ, которыя окажутся достойными того по мнѣнію высшаго правительства. Во всякомъ же случаѣ законъ этотъ ничего не говоритъ о сокращеніи наличнаго числа евреевъ повѣренныхъ, и потому безъ достаточно вѣскихъ, серьезныхъ основаній едва ли правильно и цѣлесообразно

принимать въ этомъ направленіи какія-либо исключительныя мѣры.

Имѣются ли однако такія основанія?— Съ 1889 г. фактически, какъ уже замѣчено выше, евреи не допускаются въ частные повѣренные при мировыхъ съѣздахъ. Слѣдовательно—самые молодые изъ повѣренныхъ евреевъ занимаются своей профессіей въ теченіе 10 лѣтъ, но, какъ намъ извѣстно, есть не мало и такихъ, которые состоятъ повѣренными съ самого момента открытія въ Могилевской, Минской и Витебской губерніяхъ мировыхъ учрежденій, т. е. около 30 л. По самому свойству своей профессіи адвокатъ всегда имѣетъ противниковъ, недоброжелателей, а въ перечисленныхъ губерніяхъ, гдѣ благодаря скученности, разноплеменности и крайней бѣдности населенія сутяжничество развито весьма широко, недоброжелательство принимаетъ уродливые размѣры и не прощаетъ ближнему и микроскопической соринки. Если же при этомъ принять во вниманіе, что, помимо дисциплинарной власти съѣздовъ, министру юстиціи предоставлено (406[15] ст. учр. суд. уст.) устранять лицъ, которыя по доходящимъ до него несомнѣннымъ свѣдѣніямъ обнаруживаютъ предосудительный

образъ дѣйствій,—то нельзя, конечно, сомнѣваться, что всѣ нынѣ состоящіе при съѣздахъ повѣренные, избѣгшіе дисциплинарныхъ взысканій и устраненія министерствомъ, стоятъ на высотѣ своего призванія и вполнѣ достойны того довѣрія, которымъ они въ силу своего званія облечены. Если же это такъ, если вчера они признавались достойными своего званія, то почему они могутъ оказаться недостойными сегодня, при отсутствіи какихъ бы то ни было проступковъ съ ихъ стороны; если вчера они отправляли свои обязанности въ мировыхъ учрежденіяхъ, то какой можетъ быть резонъ лишать ихъ этого права по отношенію къ уѣзднымъ съѣздамъ, компетенція коихъ является болѣе ограниченной? Это было бы непослѣдовательно со стороны самого министерства юстиціи, которое въ прошломъ году признало справедливымъ выдать свидѣтельства на хожденіе по дѣламъ въ суд. палатахъ всѣмъ помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые имѣли такія свидѣтельства отъ окружныхъ судовъ".

Нужно ли прибавлять что голосъ нашъ оказался вопіющимъ въ пустынѣ? Министерство юстиціи въ управленіе Манасеина

и особенно Муравьева было самымъ надежнымъ звеномъ въ той цѣпи реакціи, которую бюрократія выковала для Россіи.

Проявившееся въ восьмидесятыхъ годахъ съ необыкновенной настойчивостью стремленіе ставить евреямъ всякія преграды въ дѣлѣ образованія дѣтей своихъ нашло себѣ выраженіе и въ разсматриваемомъ десятилѣтіи. Въ 1895 г. по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ состоялось Высочайшее повелѣніе объ ограниченіи пріема евреевъ въ одесское коммерческое училище. На этотъ разъ, впрочемъ, процентное отношеніе опредѣляется относительнымъ размѣромъ платежей, вносимыхъ евреями-купцами на содержаніе училища, и поэтому съ перваго взгляда законъ этотъ какъ будто и не можетъ вызвать противъ себя серьезныхъ возраженій. Но, однако, если признано справедливымъ установить такой принципъ, то почему же онъ примѣняется только къ евреямъ, а не къ нѣмцамъ, грекамъ, армянамъ, которыхъ въ Одессѣ также очень много?

Впрочемъ, если въ свое время этотъ законъ могъ вызывать недоумѣніе и ка-

Библ. Социалистической Академии

заться необъяснимымъ, то съ тѣхъ поръ законодательная техника дала намъ такіе образцы, что остается лишь пожалѣть о прошломъ. Мы имѣемъ въ виду утвержденный въ 1897 г. уставъ кіевскаго коммерческаго училища, въ § 11 коего (прим. 1 и 2) указано, чтобы *въ каждомъ классѣ* отношеніе числа учениковъ-евреевъ къ числу учениковъ всего класса не превышало отношенія суммъ, ежегодно вносимыхъ купцами евреями, ко всѣмъ суммамъ, вносимымъ купеческимъ сословіемъ на содержаніе училища... Не правда-ли,—недоумѣнія, вызывавшіяся прежнимъ закономъ, какъ бы блѣднѣютъ въ сравненіи съ противорѣчіями послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, если уже признано возможнымъ устанавливать это платежное отношеніе, то причемъ же тутъ отдѣльные классы? Вѣдь благодаря этому именно и нарушается тотъ принципъ, который положенъ въ основу закона, ибо требованіе процентнаго отношенія для каждаго класса отдѣльно должно привести къ тому, что общее процентное отношеніе учениковъ-евреевъ къ остальнымъ—во всемъ училищѣ—будетъ меньше, нежели отношеніе платежей. Очевидно—

тутъ скрываются какъ бы другія невысказанныя побужденія, которыя невольно приводятъ на умъ сказанныя недавно Рихтеромъ въ прусской палатѣ депутатовъ слова: „какъ невысоко цѣнятъ христіанство тѣ, которые думаютъ, что государство, 98 проц. населенія коего составляютъ христіане, не въ состояніи перенести равноправія 1—2 проц. иновѣрцевъ".

Мы долго не кончили бы, если бы стали перечислять всѣ учебныя заведенія, доступъ въ которыя ограниченъ для евреевъ. Ограничимся поэтому лишь указаніемъ на два существенныхъ нововведенія: во 1) правила объ ограниченіи (или полномъ преграждении, какъ напр. въ Московскомъ инженерномъ училищѣ) доступа евреевъ вносятся въ самые уставы, т. е. пріобрѣтаютъ характеръ прочной законодательной мѣры, а во 2) ограниченія распространяются не только на правительственныя, но и на частныя учебныя заведенія (училище Файга въ Одессѣ, училище Натансона въ Кіевѣ).

Нужно быть совершенно слѣпымъ, чтобы въ подобныхъ мѣропріятіяхъ не видѣть рѣзкаго противорѣчія твердо установившейся еще въ началѣ XIX столѣтія политикѣ

и взглядамъ правительства, которое, какъ справедливо замѣчаетъ М. И. Мышъ [1]), въ образованіи видѣло залогъ нравственнаго перерожденія евреевъ и улучшенія ихъ быта. И дѣйствительно, если еврейская масса темна, замкнута, туго ассимилируется то вѣдь еще Бисмаркъ блестяще показалъ, что Эльзасъ и Лотарингію покорилъ школьный учитель, и поэтому казалось бы вполнѣ послѣдовательнымъ всячески стараться удовлетворять эту жажду просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что законъ нашъ всегда отличалъ евреевъ, получившихъ образованіе, предоставляя имъ всякаго рода преимущества сравнительно съ прочими ихъ единовѣрцами. Что же могло заставить сойти съ этого пути? Какія можно подыскать основанія сознательно заставлять людей коснѣть въ невѣжествѣ? И неужели Россія такъ богата интеллигентными силами, что ей ни почемъ закрывать двери просвѣщенія передъ толпами жаждущихъ въ нихъ проникнуть? Въ отвѣтъ на это достаточно указать, что уже въ слѣдующемъ (1896) году за изданіемъ упомянутаго закона пришлось вновь испрашивать Вы-

[1]) Руков. къ русскимъ законамъ о евреяхъ, изд. 2, стр. 353.

сочайшее повелѣніе о разрѣшеніи министру финансовъ замѣщать евреями оставшіяся свободныя вакансіи въ одесскомъ коммерческомъ училищѣ.

А вмѣстѣ съ тѣмъ, все тѣснѣе и тѣснѣе смыкая кругъ дѣятельности евреевъ, открыто толкая ихъ на путь неопредѣленныхъ занятій, мы не перестаемъ повторять старую погудку о томъ, что евреи избѣгаютъ всякаго производительнаго труда, что они отъ природы склонны къ гешефтмахерству и т. п. Впрочемъ, многіе вѣдь убѣждены, что еврей и въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ... Такъ напр. одинъ администраторъ въ оффиціальномъ документѣ удостовѣрилъ, что законъ 3 мая 1882 года нельзя разсматривать, какъ притѣснительный относительно евреевъ, что сосредоточеніе евреевъ въ городахъ по этому закону и усиленіе между ними конкурренціи не принесло имъ вреда и, всякія жалобы ихъ въ этомъ отношеніи не основательны.

Остановимся теперь на законахъ, устанавливающихъ новыя ограниченія въ выборѣ мѣстожительства евреевъ.

Такихъ законовъ было нѣсколько: 28-го

марта 1891 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о воспрещеніи евреямъ механикамъ, винокурамъ, пивоварамъ и, вообще, мастерамъ и ремесленникамъ переселяться на жительство въ Москву и Московскую губ. и о выселеніи оттуда уже прежде поселившихся тамъ евреевъ этихъ категорій; 15-го октября 1892 года состоялось такое же Высочайшее повелѣніе относительно евреевъ — отставныхъ нижнихъ чиновъ, служившихъ по прежнему рекрутскому уставу; 13 ноября 1897 г. по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ состоялось Высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ для Москвы и Московской губ. дѣйствія п. 3 прим. къ § II ст. 12 уст. о пасп., предоставляющаго право повсемѣстнаго въ Имперіи жительства евреямъ, изучающимъ фармацію, фельдшерское и повивальное искусства. Наконецъ, 22 января 1899 г. ограничено право евреевъ купцовъ 1 гильдіи приписываться къ московскому купечеству необходимостью испрашивать на это разрѣшеніе министра финансовъ, которое дается по соглашенію съ московскимъ генералъ-губернаторомъ. Замѣтимъ кстати, что до сихъ поръ ни одного раз-

рѣшенія еще не послѣдовало.—Затѣмъ 18-го іюня 1892 г. состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о водвореніи и временномъ пребываніи евреевъ въ областяхъ Кубанской и Терской и, наконецъ, Высочайше утвержденнымъ 24 мая 1893 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта городъ Ялта исключенъ изъ числа мѣстностей, назначенныхъ для постоянной осѣдлости евреевъ.

Почти всѣ эти законы имѣютъ между собою то общее, что неизмѣнно въ нихъ повторяется: „впредь до пересмотра въ законодательномъ порядкѣ и т. д.,"—стереотипная фраза, не оставляющая никакого мѣста для утѣшенія, какъ потому, что ничто во всякомъ случаѣ не указывало на необходимость экстреннаго принятія столь крутыхъ относительно евреевъ мѣръ, такъ и потому, что временныя правила 3 мая 1882 года дѣйствуютъ вотъ уже свыше двухъ десятковъ лѣтъ.

Принятіе этихъ мѣръ, въ видѣ временныхъ, внѣ общаго законодательнаго пересмотра, иначе говоря—при отсутствіи безспорныхъ къ тому основаній и безъ соображенія съ общими интересами государства,—

является тѣмъ болѣе непослѣдовательнымъ, что на ряду съ этимъ 21 іюня 1895 г., по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы впредь до разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ общаго вопроса о евреяхъ, предложить генералъ-губернаторамъ сѣверо- и югозападнаго края и бессарабскому губернатору пріостановиться въ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностяхъ понудительными мѣрами къ выселенію изъ городовъ и мѣстечекъ пограничной пятидесятиверстной полосы евреевъ, водворившихся въ нихъ вопреки ст. 18 Уст. о пасп., предоставивъ послѣднимъ оставаться на жительствѣ тамъ, гдѣ они въ настоящее время проживаютъ, но съ тѣмъ, чтобы переходъ ихъ на жительство въ другія городскія поселенія той же полосы и въ особенности въ мѣстности, лежащія внѣ городовъ и мѣстечекъ, отнюдь не допускался. Независимо отъ сего подтвердить помянутымъ генералъ-губернаторамъ и губернатору о недопущеніи новыхъ поселеній въ пограничной полосѣ евреевъ, права на это не имѣющихъ.

Если, такимъ образомъ, неопредѣлен-

ность и противорѣчивость законодательства о евреяхъ заставили законодателя, очевидно подъ давленіемъ настойчивыхъ требованій жизни, склониться даже передъ нарушеніемъ закона, и притомъ такого, съ которымъ населеніе давно могло бы свыкнуться, то, само собою разумѣется, тѣмъ болѣе ясна логическая необходимость воздержаться отъ новыхъ ограниченій, отъ дальнѣйшихъ экспериментовъ, особенно если это не вызывается бьющими въ глаза, неотложными поводами. А что такихъ поводовъ въ дѣйствительности не было, что здѣсь играетъ роль какая-то случайность, достаточно видно хотя бы изъ одного сопоставленія заказанныхъ для евреевъ мѣстностей: Москва, Терская и Кубанская области и Ялта. Что общаго между ними? Чѣмъ онѣ отличаются отъ сосѣднихъ съ ними губерній и городовъ, остающихся на старомъ положеніи?

Законъ о Терской и Кубанской области вызванъ тѣмъ, что „проживающіе въ этихъ областяхъ евреи, выдавая себя за ремесленниковъ, въ дѣйствительности занимаются скупкою хлѣба, негласною торговлей, ростовщичествомъ и тому подобными заня-

тіями, приносящими большой вредъ коренному населенію, и поддерживаютъ, кромѣ того, секту іудействующихъ, получившую въ послѣднее время значительное распространеніе среди мѣстнаго казачьяго населенія". Но вѣдь этотъ мотивъ эксплоатаціи—это вѣдь и есть то общее мѣсто, которое неустанно и при всѣхъ обстоятельствахъ повторяется, и именно, оно то и должно составить основной вопросъ обѣщаемаго законодательнаго пересмотра, а въ частности,—ремесленники, не занимающіеся своимъ ремесломъ и по дѣйствующимъ законамъ подлежатъ высылкѣ, причемъ, какъ извѣстно, практика нашихъ административныхъ властей не только не даетъ никакихъ поблажекъ, но идетъ гораздо дальше, чѣмъ бы допускало и самое распространительное толкованіе закона. Что-же касается секты іудействующихъ (или, какъ ее одно время „въ видахъ посмѣянія надъ заблужденіями и возбужденія въ народѣ отвращенія" велѣно было у насъ именовать, жидовствующихъ), то, не говоря о томъ, что остается совершенно неизвѣстнымъ, какіе именно евреи—пришлые или же коренные, которые и по новому закону

оставляются на мѣстахъ—повинны въ поддержаніи секты, слѣдуетъ еще замѣтить, что секта эта распространена далеко не въ однѣхъ только упомянутыхъ областяхъ: она встрѣчается въ Воронежской губерніи, Тамбовской и Саратовской (см. Брокгаузъ и Ефронъ, 26 т., стр. 769) и, напротивъ, о ней ничего не слышно въ чертѣ еврейской осѣдлости. А главное—предполагаемая теперь мѣра уже примѣнялась: въ ст. 70 Т. XIV Уст. о пред. и пресѣч. прест. по изд. 1876 г. было постановлено: „изъ уѣздовъ, въ коихъ находится жидовская ересь, выслать евреевъ безъ исключенія и ни подъ какимъ предлогомъ не дозволять имъ тамъ пребыванія“, но въ 1884 г. правило это было отмѣнено (ib. т. 22, с. 944), и такимъ образомъ непригодность разсматриваемой мѣры доказана уже опытомъ.

Точно также изъятіе изъ черты осѣдости г. Ялты мотивируется тѣмъ, что „усилившійся за послѣднее время наплывъ и прогрессивное умноженіе (?!) числа евреевъ въ г. Ялтѣ, въ связи съ замѣтнымъ среди нихъ стремленіемъ къ пріобрѣтенію недвижимой собственности, грозитъ этому лечебному мѣсту обратиться въ чисто еврейскій городъ“.

На этотъ разъ обычные мотивы не выдвинуты: нѣтъ рѣчи ни объ еврейской эксплоатаціи, ни вообще о прирожденныхъ еврейскихъ порокахъ (нельзя же въ самомъ дѣлѣ стремленіе къ пріобрѣтенію недвижимости отнести къ числу пороковъ), но вина евреевъ въ томъ, что они слишкомъ плодятся и притомъ -- по неизвѣстной до сихъ поръ математической формулѣ прогрессивнаго умноженія. Но пусть такъ, пусть этого достаточно, чтобы хоть „и съ возможно меньшимъ ущербомъ въ матеріальномъ отношеніи“ лишить извѣстную категорію подданныхъ привычнаго крова,—но почему же именно Ялта, почему не Одесса, Херсонъ? Развѣ произведено было вычисленіе, что въ Ялтѣ процентное отношеніе евреевъ къ остальному населенію выше, чѣмъ въ другихъ сосѣднихъ городахъ? И затѣмъ—почему же въ Терской и Кубанской областяхъ, гдѣ евреи, повидимому, представляютъ столь серьезную опасность, оставляются въ мѣстахъ жительства тѣ, которые владѣютъ недвижимымъ имуществомъ, а въ Ялтѣ, гдѣ ихъ вина во всякомъ случаѣ меньше—это обстоятельство не принято во вниманіе?

Всѣ эти, столь явныя, противорѣчія могли бы подать поводъ къ предположенію, если бы оно не было такъ невѣроятно, что все объясняется настроеніемъ мѣстныхъ властей, и достаточно послѣднимъ предложить какое угодно ограниченіе—оно принимается безъ дальнѣйшихъ соображеній съ общимъ положеніемъ вопроса. Но, съ другой стороны, если отбросить это предположеніе, то едва-ли возможно подыскать какое-нибудь основательное объясненіе всему происходящему.

При такихъ условіяхъ — нельзя въ особенности не пожалѣть о томъ, что вносимыя этими законами ограниченія распространяются не только на будущее время, но поражаютъ и права тѣхъ, кто до сихъ поръ жилъ въ этихъ мѣстностяхъ на законномъ основаніи, кто даже пустилъ тамъ прочные корни, для кого, слѣдовательно, выселеніе связано съ неминуемымъ разореніемъ. Подобныя постановленія содержатся въ законѣ о ремесленникахъ („предоставить министру вн. дѣлъ, по соглашенію съ московскимъ генералъ-губернаторомъ, озаботиться принятіемъ мѣръ къ тому, чтобы вышеупомянутые евреи постепенно выѣхали изъ Мо-

сквы и Московской губ. въ мѣстности, опредѣленныя для постоянной осѣдлости евреевъ"), объ отставныхъ нижнихъ чинахъ („всѣхъ перечисленныхъ въ предыдущихъ пунктахъ,—т. е. за исключеніемъ приписанныхъ къ мѣщанскимъ обществамъ гор. Москвы и Московской губ., а также вступившихъ въ вѣчные ремесленные цехи—евреевъ, которые окажутся на жительствѣ въ Москвѣ и Московской губ. ко времени изданія настоящихъ правилъ, удалить, съ членами ихъ семействъ, изъ названныхъ мѣстностей въ сроки, опредѣляемые въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по взаимному соглашенію Московскаго генералъ-губернатора и министра вн. дѣлъ") и, наконецъ, въ законѣ о Терской и Кубанской областяхъ („предоставить командующему войсками кавказскаго военнаго округа и войсковому наказному атаману кавказскихъ казачьихъ войскъ озаботиться постепеннымъ выселеніемъ евреевъ, подлежащихъ удаленію изъ Кубанской и Терской областей"). Правда, законъ рекомендуетъ производить выселеніе постепенно, въ одномъ случаѣ даже отстрочиваетъ выселеніе на годъ со времени обнародованія, но едва ли нужно

доказывать, что это не могло служить существеннымъ коррективомъ, не могло серьезно противодѣйствовать неминуемому разоренію, а подчасъ и безцѣльной гибели тысячъ людей.

Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ характерное признаніе въ одномъ изъ приведенныхъ законовъ, а именно—касающемся Ялты. Пунктъ III этого закона повелѣваетъ выселить евреевъ въ сроки, достаточные для устройства семейныхъ и имущественныхъ дѣлъ выселяемыхъ,—*съ возможно меньшимъ ущербомъ для ихъ интересовъ*. Такимъ образомъ и самъ законъ не сомнѣвается, что ущербъ будетъ, и заботится лишь о томъ, чтобы онъ былъ возможно меньше. Въ прежнія времена государство старалось, чтобы причиняемый ущербъ не пропадалъ зря; такъ, когда въ 1659 г. Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ выселить евреевъ изъ Могилева, то вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было „жидовскіе дворы отдать: половину въ ратушу, а другую половину отдать въ пользу казны; лучшихъ три двора отдать въ пользу воеводы и приказныхъ людей". „Считалось, стало быть,—замѣчаетъ по этому поводу И. Г. Оршанскій (Русское законадат. о евреяхъ, т. I, стр. 180), совершенно есте-

ственнымъ, чтобы казна и христіанское общество дѣлили между собою содержаніе общественной „копилки“, предоставляя евреямъ начать въ другомъ мѣстѣ сызнова танталову работу накопленія капитала, который впослѣдствіи могъ бы служить удобнымъ рессурсомъ для казны и ратуши“. Теперь, на зарѣ XX вѣка,—казна уже не расчитываетъ на подобные рессурсы, и еврейскіе капиталы и энергія расточаются зря, ибо можно легко себѣ представить, что, — не говоря объ естественномъ пониженіи цѣнъ вслѣдствіе несоразмѣрнаго и неожиданнаго превышенія предложенія надъ спросомъ,— нашлось, конечно, довольно охотниковъ поживиться на чужой счетъ, и несомнѣнно, что имущество приходилось отдавать задаромъ.— Мы, къ сожалѣнію, ничего не знаемъ о результатахъ примѣненія этихъ мѣръ, не знаемъ, многіе ли оказались не въ состояніи вынести этотъ новый экспериментъ, но и тѣмъ, которымъ удалось вынести, остается сказать словами Гейне:

Und ich hab es doch getragen,
Aber fragt mich nur nicht: wie?

Не станемъ же и мы спрашивать, но

прежде чѣмъ покончить съ разсмотрѣніемъ этихъ законовъ, мы не можемъ не остановиться еще на нѣкоторыхъ недоумѣніяхъ, вызываемыхъ ими. Во первыхъ—почему въ законѣ, касающемся московскихъ ремесленниковъ, повелѣно не только выселить ихъ изъ Москвы, но и принять мѣры къ тому, чтобы они выѣхали въ мѣстности, опредѣленныя для постоянной осѣдлости евреевъ? А если они желаютъ переселиться въ другой городъ, лежащій внѣ черты? Вѣдь законъ ихъ этого права не лишаетъ, какое же основаніе требовать переселенія ихъ непремѣнно въ черту?—А затѣмъ, какъ мы уже видѣли выше, въ одномъ изъ этихъ законовъ рекомендуется *постепенность* выселенія, въ другомъ назначается *минимальный срокъ*, до истеченія котораго нельзя приступить къ высылкѣ, и самая высылка должна производиться по заранѣе выработаннымъ военнымъ министромъ *общимъ правиламъ*; въ третьемъ—*рекомендуется щадить* по возможности имущественные интересы евреевъ и, наконецъ въ четвертомъ установленіе срока *предоставляется усмотрѣнію* въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ высшихъ административныхъ властей. — Чѣмъ объя-

снить эту разницу? Ни въ законахъ, ни въ мотивахъ къ нимъ нельзя найти ни малѣйшаго указанія на то, чтобы положеніе выселяемыхъ евреевъ въ Москвѣ, въ областяхъ Терской и Кубанской и въ Ялтѣ или же какія либо другія обстоятельства требовали со стороны законодателя различныхъ способовъ гарантіи ихъ имущественныхъ интересовъ. — Напротивъ, въ одномъ изъ этихъ случаевъ Государственный Совѣтъ отказался отъ мысли установить опредѣленный срокъ только вслѣдствіе послѣдовавшаго заявленія, что полиція и безъ того не приступаетъ къ выселенію до истеченія назначаемаго ею срока. Но почему же это заявленіе не имѣло рѣшающаго значенія въ другихъ случаяхъ и не устраняло того соображенія, что „осторожность и простое чувство справедливости требуютъ дать выселяемымъ евреямъ опредѣленный срокъ для ликвидаціи ихъ дѣлъ, съ тѣмъ чтобы къ удаленію ихъ было приступлено не ранѣе наступленія этого срока“?—Не свидѣтельствуетъ ли эта пестрота объ отсутствіи опредѣленной идеи, о такой неустойчивости, которая не соотвѣтствуетъ высокимъ задачамъ законодателя, и уже сама по

себѣ доказываетъ всю случайность, а потому и ненужность принятыхъ мѣръ, не говоря уже о томъ, какое вліяніе, съ точки зрѣнія укрѣпленія чувства законности какъ въ евреяхъ, такъ и въ коренномъ населеніи, и ихъ взаимныхъ отношеній могутъ произвести всѣ эти колебанія нашего законодательства.

Въ заключеніе нашего бѣглаго обзора намъ хотѣлось бы упомянуть еще объ одномъ, не лишенномъ интереса, законѣ. Мы имѣемъ въ виду Высочайше утв. 3 мая 1892 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта о правилахъ о нефтянномъ промыслѣ; п. V этого закона, между прочимъ, гласитъ: евреи, имѣющіе право жительства внѣ черты осѣдлости, и иностранцы ограничены въ правѣ пріобрѣтенія нефтеносныхъ земель. Съ перваго взгляда, въ этомъ законѣ нѣтъ ничего особеннаго: разъ рѣчь идетъ объ евреяхъ, то уже заранѣе можно презюмировать ограниченіе; слѣдовательно, все въ порядкѣ вещей. Но весьма любопытна исторія этого пункта закона: Выс. утв. 8 апрѣля 1887 г. положеніемъ Комитета Министровъ министру госуд. имуществъ предоставлено было подвергнуть ближайшему обсужденію

вопросъ объ ограниченіи перехода нефтеносныхъ земель въ собственность *иностранцевъ*. Сообразно съ этимъ въ представленіи министра и указывается на вредъ, причиняемый иностранцами, и предлагаются мѣры ограниченія ихъ правъ. Объ евреяхъ не говорится ни одного слова и вдругъ, какъ deus ex machina, на ряду съ иностранцами появляются евреи. Поэтому, если мы выше сказали, что разъ рѣчь идетъ объ евреяхъ,— значитъ, слѣдуетъ ожидать ограниченія, то это, пожалуй, неточно; слѣдовало бы, пожалуй, выразиться такъ: разъ рѣчь идетъ о какомъ либо ограниченіи, то оно, вѣроятно коснется и евреевъ.

Таковы тенденціи нашего законодательства о евреяхъ за послѣднее десятилѣтіе. Суровое отношеніе въ принципѣ, невыдержанное и непослѣдовательное осуществленіе его на практикѣ—вотъ въ двухъ словахъ сущность послѣдовательныхъ законодательныхъ мѣръ.

Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ все болѣе расцвѣтаетъ сіонистское движеніе, исходящее изъ того начала, что „юдофобія—это разновидность боязни привидѣній; какъ психозъ, она наслѣдственна, и

какъ болѣзнь, въ теченіе тысячелѣтій переходящая по наслѣдству—неизлѣчима.

„Разъ предубѣжденность человѣческаго рода противъ евреевъ покоится на природныхъ и неискоренимыхъ началахъ, имѣющихъ глубокія антропологическія и соціальныя основанія, то имѣя въ виду медленность человѣческаго прогресса, надо отказаться отъ мысли побѣдить эту предубѣжденность, точно такъ же, какъ другія наслѣдственныя болѣзненнныя предрасположенія".

И однако, вполнѣ понимая, что подъ давленіемъ послѣднихъ событій появленіе такого взгляда было почти неизбѣжно, мы рѣшительно не можемъ съ нимъ согласиться, хотя бы уже потому, что „исторія человѣчества вообще есть безконечный мартирологъ, но въ тоже время она есть и безконечное просвѣтлѣніе". И если, какъ говоритъ Щедринъ, до сихъ поръ въ сферѣ мартиролога еврейское племя занимаетъ первое мѣсто, а въ сферѣ просвѣтлѣнія оно стоитъ въ сторонѣ,—то вѣдь таковъ физическій законъ наименьшаго сопротивленія, и если вина горсточки сосущихъ евреевъ вымещается на всемъ племени, то не потому ли, какъ глубокомысленно спраши-

ваетъ нашъ сатирикъ, что сосущій еврей есть сила, за которою скрывается еще сила, и даже не одна, а цѣлый легіонъ?— Правда, въ послѣднее время слишкомъ уже нависли тучи, но никто вѣдь не станетъ отрицать, что и вообще печаленъ духъ нашего времени, и что юдофобія является однимъ—и можетъ быть далеко не самымъ существеннымъ — его проявленіемъ. Но нельзя же сомнѣваться, что исчезнетъ духъ этотъ...

II

Практика.

„Это прекрасное созданіе—земля кажется мнѣ безплодною скалою, этотъ чудный небосклонъ, эта величественная кровля, сверкающая золотымъ огнемъ—что-жъ мнѣ она кажется только смѣшеніемъ ядовитыхъ паровъ“.

Эти полныя трагизма слова несчастнаго принца Гамлета невольно все чаще и чаще приходятъ на память въ наше время жестокаго мракобѣсія и человѣконенавистничества. „Какое образцовое созданіе человѣкъ! какъ благороденъ разумомъ! какъ безграниченъ въ способностяхъ. Въ дѣлахъ какъ подобенъ ангелу, въ понятіи Богу!“ Онъ господствуетъ надъ всею природою, каждый день торжествуютъ новую побѣду умъ и изобрѣтательность, все падаетъ ницъ передъ его величіемъ и силой.

И тотъ-же человѣкъ, властелинъ всего окружающаго—онъ жалкій рабъ придуманныхъ имъ же условностей, предразсудковъ, цѣпко опутавшихъ его сѣтью безвыходныхъ и безсмысленныхъ противорѣчій, приведшихъ къ знаменитой формулѣ: „homo homini lupus“... Трудно представить себѣ, что „вѣнецъ всего живого“, какъ говоритъ датскій принцъ, съ такимъ упорствомъ, достойнымъ маленькаго ребенка, не желаетъ стряхнуть съ себя путы рабства и устроить свою жизнь себѣ и другимъ на удовольствіе, а не на безсмысленное мученіе... Трудно представить, чтобы, читая, напр., огненныя проповѣди, изобличающія ложь и нелѣпость нашей жизни, намъ и въ голову не приходило, что de te fabula narratur. Трудно повѣрить, чтобы возможно было такое положеніе, когда одни изнываютъ отъ бездѣлья, другіе отъ труда, одни умираютъ отъ обжорства, другіе отъ истощенія. Трудно повѣрить... но если вспомнить, что за многія тысячелѣтія мы не подвинулись ни на шагъ впередъ, что всѣ слова о любви и братствѣ—такая же, если еще не болѣе отдаленная химера, то врядъ ли можно питать надежду на скорое просвѣтленіе, на

воцареніе „мира и благоволенія въ человѣцехъ“.

Съ особенной настойчивостью эти мысли, „какъ черныя мухи“, вьются надъ головою, когда задумаешься надъ положеніемъ несчастнаго племени евреевъ. Здѣсь всегда былъ авангардъ мучительства, здѣсь чаще всего человѣкъ—подобный ангелу и Богу—превращался въ звѣря, здѣсь безысходная нищета и страданія невольно выдвигали тяжелый вопросъ—зачѣмъ жить, есть ли смыслъ въ жизни?

Неужели опытъ долгихъ тысячелѣтій не принесъ никакихъ результатовъ? Неужели исторія ничему не учитъ? Неужели она не страшитъ насъ вписать свое имя на ея кровавыя страницы? Неужели послѣ этой жизни, несмотря на всю ея кратковременность, случайность, готовность оборваться каждую минуту—намъ уже все равно, хоть бы проклятье провожало нашу память? А чего же другого дождутся отъ потомства всѣ эти сѣятели и дѣлатели смуты и раздора, всѣ эти проповѣдники человѣконенавистничества, всѣ брызжущіе слюной бѣшенства и злобы...

Въ предыдущей главѣ мы разсмотрѣли

наше законодательство о евреяхъ за послѣднее десятилѣтіе. Въ результатѣ обзора мы пришли къ тому выводу, что суровое отношеніе въ принципѣ, невыдержанное и непослѣдовательное осуществленіе его на практикѣ—вотъ въ двухъ словахъ сущность послѣднихъ законодательныхъ лѣтъ.

Но и въ этомъ еще не вся бѣда. На практикѣ всѣ отмѣченныя нами черты значительно усугубляются. Слишкомъ рѣзко во всѣхъ этихъ законахъ сквозитъ настойчивая и опредѣленная тенденція, чтобы ея вліянію не подпали исполнители и не шли въ своемъ усердіи гораздо дальше, нежели то требуется по точному смыслу. Для этого вовсе не нужно дѣйствовать по пословицѣ: законы святы, да исполнители—супостаты и т. п. Нѣтъ! Вполнѣ добросовѣстный исполнитель, не встрѣчая въ законѣ ничего, кромѣ „воспретить", „выселить" и т. п., не можетъ не пойти, такъ сказать, ultra petitum въ пылкой увѣренности, что онъ творитъ волю пославшаго его.

Чтобы убѣдиться въ правильности нашихъ предположеній – теперь имѣется прекрасный матеріалъ. Мы имѣемъ въ виду вышедшій въ

свѣтъ „Сборникъ разъясненій Правительствующаго Сената по дѣламъ о правѣ жительства евреевъ", который, по всей справедливости можно назвать мартирологомъ еврейства въ Россіи. Въ этомъ сборникѣ содержится 500 сенатскихъ указовъ in extenso и затѣмъ безчисленное количество ссылокъ на указы, тождественные или аналогичные приведеннымъ. Уже при самомъ поверхностномъ просмотрѣ книги начинаетъ рябить въ глазахъ отъ встрѣчающейся почти на каждой страницѣ фразы „постановленіе такого-то губернскаго правленія отмѣнить". И вотъ какой-нибудь Юдка Ройзентулъ, или Шая Шпайзъ или Хаимъ Лейба Цимбалистъ и др. — имя же имъ легіонъ — спасены! Сенатъ высвободилъ ихъ изъ цѣпкихъ полицейскихъ рукъ, оттаскивавшихъ ихъ отъ родного уголка, лишавшихъ ихъ тѣхъ крохъ, которыми они побираются всю жизнь. Но хотя евреи и болѣе настойчиво, чѣмъ другіе русскіе обитатели, борются за свое право и хотя количество жалобъ еврейскихъ превышаетъ, вѣроятно, число всѣхъ остальныхъ дѣлъ 1-го департамента вмѣстѣ взятыхъ,—тѣмъ не менѣе не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, что на каж-

даго жалобщика приходятся тысячи страдающихъ молча, покорившихся или избравшихъ путь обходный, на который всегда такъ настойчиво толкаютъ суровые законы... Да и трудно дѣйствительно бороться за свое право! Дѣло въ томъ, что по учрежденію Сената, нѣкоторыя дѣла не рѣшаются Сенатомъ окончательно, проекты опредѣленій посылаются предварительно къ подписанію подлежащаго министра. По отношенію къ еврейскимъ дѣламъ означенное правило закона получило весьма широкое примѣненіе, и неизвѣстно почему— къ подписанію министра внутреннихъ дѣлъ посылаются всѣ опредѣленія, въ коихъ предположено постановленіе губернскаго правленія отмѣнить. Если министръ не согласенъ съ проектомъ опредѣленія, дѣло переходитъ въ Общее Собраніе; отсюда, если не составится надлежащаго большинства, дѣло переходитъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ опять можетъ пройти двѣ стадіи, и такимъ образомъ тянется иногда десять и болѣе лѣтъ. И такое движеніе получаютъ даже отнюдь не болѣе сложныя дѣла: достаточно напр. указать, что недавно въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта

со всей торжественностью, присущей законодательному учрежденію, разрѣшался вопросъ, ремесленникъ ли—наборщикъ Овсей Авербахъ, и вправѣ ли онъ, занимаясь въ типографіи, проживать внѣ черты еврейской осѣдлости. При такихъ условіяхъ—доки солнце зійде, роса не только очи віистъ, но и кости воронъ успѣетъ разнести... Правда, можно было бы еще искать утѣшенія въ томъ, что трофеи побѣды достанутся, по крайней мѣрѣ близкимъ, но увы, и эта тѣнь утѣшенія исчезаетъ, потому что губернскія правленія обнаруживаютъ болѣе чѣмъ странную самостоятельность. Въ сборникѣ, напр., приводится опредѣленіе Сената объ отмѣнѣ постановленія бессарабскаго губернскаго правленія, и однимъ изъ мотивовъ приводится соображеніе, что Сенатъ уже неоднократно посылалъ означенному правленію указы, которыми разъяснялъ то же самое, что приходится повторять безъ конца. Несмотря на весь высокій авторитетъ Сената, присвоенный ему закономъ, несмотря на полную пассивность нашего чиновничества, для котораго нѣтъ ничего выше приказанія начальства,—въ данномъ случаѣ наше высшее въ порядкѣ управле-

нія мѣсто оказывается безсильнымъ воздѣйствовать и imperio rationis и ratione imperii...

Наиболѣе интереснымъ съ указанной выше точки зрѣнія представляется примѣненіе на практикѣ временныхъ правилъ 3 мая 1882 года, оказавшихся благодаря своей временности столь прочными. Какъ извѣстно, законъ 3 мая 1882 года вызванъ былъ происходившими въ то время въ мѣстахъ постоянной осѣдлости евреевъ значительными безпорядками, сопровождавшимися грубымъ насиліемъ надъ имуществомъ и личностью евреевъ со стороны коренного населенія. (№ 162) [1]). Въ этихъ безпорядкахъ въ то время отнюдь не усматривали, что „запорожцы только люльки раскуриваютъ", и, забывая, что наряду съ Мошкой есть и Деруновъ, считали достаточнымъ ограничиться симптоматическимъ леченіемъ. При этомъ однако Комитетъ министровъ находилъ: „что всякаго рода ограничительныя въ отношеніи евреевъ мѣры, коими бы измѣнялись въ сущности и безповоротно дѣйствующія о нихъ по-

---

[1]) Знакъ № со слѣдующей за нимъ цыфрой означаетъ номеръ по сборнику г. Лозинскаго.

становленія, могутъ быть приняты не иначе, какъ по разсмотрѣніи оныхъ въ законодательномъ порядкѣ и при условіи совокупнаго и единовременнаго соображенія со всѣми прочими мѣрами, которыя правительство имѣетъ въ виду установить, съ цѣлью улучшенія взаимныхъ отношеній между евреями и кореннымъ населеніемъ; впредь же до пересмотра въ законодательномъ порядкѣ общихъ постановленій о евреяхъ, представляется желательнымъ устранить безъ нарушенія однако наиболѣе существенныхъ интересовъ еврейскаго населенія, главнѣйшіе изъ поводовъ къ столкновеніямъ его съ кореннымъ населеніемъ". Результатомъ этихъ государственныхъ соображеній и было изданіе Высочайше утвержденнаго 3 мая 1882 года положенія Комитета министровъ, сущность коего сводится къ тому, что въ губерніяхъ постоянной осѣдлости евреевъ имъ запрещено вновь селиться въ сельскихъ мѣстностяхъ, а также владѣть, пользоваться и управлять недвижимыми имѣніями внѣ черты городскихъ поселеній.

При всей видимой простотѣ этого закона, онъ съ первыхъ же шаговъ вызвалъ

самыя существенныя недоумѣнія, не говоря уже о томъ, что Сенату приходилось обучать полицію и основнымъ законамъ, разъясняя, напр., что законъ примѣняется со дня его обнародованія.

Прежде всего возникъ вопросъ, какъ опредѣлить новое поселеніе, какъ констатировать, когда еврей прибылъ въ деревню. До сихъ поръ этому факту ни еврей самъ, ни сельчане, ни г.г. урядники не придавали никакого значенія: тогда онъ еще не сулилъ имъ никакихъ благъ. Конечно, полиція не остановилась предъ этими затрудненіями, она произвела перепись еврейскому населенію. Правда, г.г. урядники никогда не обучались статистикѣ, но она была бы здѣсь безполезна, такъ какъ врядъ ли въ силахъ была бы побѣдить застарѣлыя привычки. О томъ, какъ производилась эта перепись, мы отчасти можемъ догадываться, отчасти можемъ найти слѣды въ практикѣ Сената. „Въ регистраціонные списки, читаемъ мы въ сборникѣ (№ 139), составлявшіеся урядниками, вносились евреи, оказавшіеся въ томъ или другомъ селеніи на лицо, въ день ихъ составленія, причемъ не дѣлалось ни розы-

сканій, ни дознаній относительно находившихся въ отлучкѣ, вслѣдствіе чего въ спискахъ по одному селенію могли быть пропущены евреи, имѣвшіе въ немъ осѣдлость, тогда какъ по другому селенію вносились въ списки лица, только случайно и временно въ нихъ находившіяся въ день составленія списковъ. Такимъ образомъ, напр., Гдалье Зейгермахеръ былъ выселенъ изъ с. Пужайково, потому что не былъ внесенъ въ регистраціонные списки, хотя дознаніемъ было обнаружено, что онъ постоянно проживалъ тамъ въ теченіе 16 лѣтъ; Бондарчукъ показанъ былъ проживающимъ въ с. Бакшѣ и на этомъ основаніи выселенъ изъ с. Капустянки, гдѣ онъ, какъ оказалось по дознанію, проживалъ 20 лѣтъ. Списки составлялись спѣшно, кое-какъ, неграмотными руками, такъ что имена перепутывались, фамиліи заносились неправильно, а затѣмъ спустя десятокъ и болѣе лѣтъ начинались придирки, выселенія, разоренія. Словомъ, какъ требуется, lege artis. Подъ 140 № Сборника приведена масса такихъ случаевъ: Врузманъ былъ записанъ Рузманомъ, Фридманъ былъ названъ Янкелемъ, тогда какъ онъ въ дѣйствительности

носилъ два имени—Янкель-Мойша, Горвицъ ошибочно названъ Гуровицемъ съ неправильнымъ показаніемъ отчества, Шмерка Дорфманъ названъ Шлемою и т. д. Словомъ—достаточно было ошибки урядника, случайной небрежности, не говоря уже о всякихъ постороннихъ—вѣсомыхъ и невѣсомыхъ—мотивахъ, чтобы выселить несчастнаго еврея съ насиженнаго мѣста, внести ужасъ и отчаяніе въ его и безъ того безотрадное существованіе.—Никакіе протесты, никакая логика не дѣйствовала, и Сенату тысячу разъ приходилось повторять, „что при отсутствіи въ законѣ какихъ-либо правилъ о порядкѣ составленія, повѣрки и утвержденія регистраціонныхъ списковъ и при необъявленіи сихъ списковъ во всеобщее свѣдѣніе и лицамъ, непосредственно въ томъ заинтересованнымъ, списки эти не могутъ быть безусловнымъ и предустановленнымъ доказательствомъ удостовѣряемыхъ ими фактовъ и, при спорѣ противъ заключающихся въ оныхъ свѣдѣній, а также при заявленіи о неполнотѣ должны подлежать провѣркѣ всѣми дозволенными способами, въ томъ числѣ и мѣстными полицейскими дознаніями“.

Когда, наконецъ, послѣ тысячи разныхъ разъясненій Сенату удалось побѣдить авторитетъ уряднической переписи, полиція послѣдовала приведенному указу и стала производить дознанія, но такъ, что, по свидѣтельству Сената (№ 149), „не были провѣрены подлежащимъ полицейскимъ дознаніемъ всѣ тѣ обстоятельства, на которыя ссылался въ своей жалобѣ проситель, а равно не были допрошены по ссылкѣ просителя должностныя лица Сокольницкаго волостнаго правленія и крестьяне с. Сокольника о томъ, дѣйствительно-ли проситель безвыѣздно проживаетъ въ селеніи болѣе 17 лѣтъ“.—Въ другомъ случаѣ Сенатъ разъяснилъ, что „необходимо провѣрить показаніе просителя по подворнымъ книгамъ“; что становой приставъ допрашивалъ жителей *фермы* „Сухой Боръ“, въ то время, какъ проситель ссылался на жителей *слободы* „Сухой Боръ“, гдѣ онъ долгое время прожилъ; что необходимо провѣрить заявленіе просителя, что онъ былъ выселенъ насильственно изъ села, а имущество его все еще находится сваленнымъ въ сараѣ и т. д. Но всѣ эти разъясненія приводили какъ будто къ обратнымъ резуль-

татамъ, такъ что нерѣдко Сенату приходилось преподавать въ назиданіе такія азбучныя истины, какъ напр.; „предварительно выселенія евреевъ изъ сельской мѣстности на основаніи закона 3 мая 1882 г. необходимо точно установить, дѣйствительно ли еврей поселился въ такой мѣстности послѣ изданія означеннаго закона“ (№ 132). Но и это помогало очень мало, нашлись другіе пріемы: разъ необходимо *точно* установить, то стали требовать отъ евреевъ доказательствъ поселенія до 1882 г. (№ 145); обыкновенныхъ доказательствъ казалось мало: нужно было представлять „документальныя доказательства“ (№ 135), такъ что напр. поводомъ къ выселенію могло служить отсутствіе метрикъ о бракосочетаніи и рожденіи дѣтей, хотя, казалось бы, это не имѣло никакого отношенія къ дѣлу. Въ концѣ концовъ, выработался такой взглядъ, что всякій еврей поселился въ сельской мѣстности незаконно, и что его нужно оттуда выдворить, а потомъ ужъ разберемъ.— Только этимъ и можно объяснить появленіе разъясненій о томъ, что „постановленіе о непризнаніи за евреемъ права жительства въ томъ селѣ, гдѣ онъ проживаетъ,

должно быть основано на положительныхъ данныхъ", что и „личное удостовѣреніе пристава о времени поселенія еврея въ селѣ, безъ указанія данныхъ, на которыхъ оно основано, не равносильно полицейскому дознанію", что „выселеніе изъ сельской мѣстности не должно быть основано на предположеніяхъ"; такъ напр. нѣкто Грановскій былъ выселенъ изъ м. Чернятки на томъ основаніи, что онъ не могъ проживать около 5 лѣтъ безъ паспорта внѣ мѣста приписки (№ 145). Цейтлинъ выселенъ изъ с. Трильчи, потому что его сынъ записанъ былъ въ метрическихъ книгахъ по м. Александровкѣ, хотя и было установлено, что метрическихъ книгъ въ Трильчѣ нѣтъ и Александровка—ближайшее къ Трильчѣ мѣстечко (№ 148) и т. п.

Наиболѣе любопытнымъ, однако, въ бытовомъ отношеніи является запоздалое усердіе администраціи: живетъ себѣ да поживаетъ какой-нибудь, напр., Зусь Мирочникъ въ с. Заволкахъ, какъ вдругъ въ 1891 г. его начинаютъ вытѣснять на томъ основаніи, что мѣстному исправнику неизвѣстно, откуда этотъ еврей прибылъ въ с. Заволки въ 1888 году (№ 134); есть слу-

чаи, когда выселеніе предпринималось черезъ 15 лѣтъ послѣ изданія закона. Само собою разумѣется, что всѣ такія попытки встрѣчали настойчивый отпоръ со стороны Сената, который весьма справедливо, хотя это и звучитъ наивно, замѣчалъ по этому поводу: „черезъ 15 лѣтъ прочное установленіе момента поселенія евреевъ путемъ показаній мѣстныхъ жителей, даваемыхъ по памяти, представляется невозможнымъ и въ пользу правильности поселенія свидѣтельствуетъ самый фактъ долговременнаго и безпрепятственнаго ихъ проживанія“ (№ 136). Мало того: даже послѣдовавшее уже признаніе за евреемъ права жительства въ данной сельской мѣстности не служитъ гарантіей, что онъ не будетъ потревоженъ при измѣнившихся обстоятельствахъ (honny soit qui mal y pense). Такъ Подольское губернское правленіе выселило еврея Хаима Лицмана, занесеннаго въ регистраціонные списки, къ признанію коихъ неправильно составленными, по словамъ Сената, никакихъ данныхъ въ дѣлѣ не имѣется (№ 141). Безъ всякихъ основаній назначаются вторыя дознанія, и евреи выселяются, хотя не добыто никакихъ положительныхъ данныхъ,

которыя бы констатировали неправильность поселенія (№ 155); въ 1892 году черниговское губернское правленіе признаетъ за Менделемъ Пулпертомъ право проживать въ д. Коржовкѣ, а въ 1896 году безъ всякихъ основаній постановляетъ выселить его (№ 153); то же самое дѣлаетъ въ 1899 г. бессарабское губернское правленіе съ Юдкой Ройзентуломъ (№ 154) и т. д. и т. д. И съ той же невозмутимой серьезностью, съ какой Сенатъ разрѣшаетъ сложнѣйшіе юридическіе вопросы, онъ поучаетъ губернскія правленія, что второе дознаніе излишне, что нѣтъ надобности безъ всякихъ основаній перерѣшать рѣшенное дѣло, что полиція должна поступать добросовѣстно и тому подобнымъ истинамъ.

Такъ мучительно разрѣшался вопросъ о новомъ поселеніи; но не меньше страданій принесли съ собою сомнѣнія по вопросу о томъ, что значитъ поселеніе. Имѣлъ ли законодатель въ виду „строжайше запретить этимъ господамъ на выстрѣлъ подъѣзжать“ къ сельской мѣстности, или же только пріобрѣтать тамъ осѣдлость, постоянное мѣстожительство. Едва ли нужно говорить, въ какомъ на-

правленіи стремилась наша администрація разрѣшать этотъ вопросъ: полиція запрещала въѣзжать въ село для наблюденія за собственнымъ скотомъ, для покупки хлѣба, помола (№ 71—73), препятствовала мужу пріѣзжать на праздники къ своей женѣ, живущей въ сельской мѣстности (№ 73) и, трудно повѣрить, пріѣзжать въ селеніе *на нѣсколько часовъ!!* (№ 75). Но мало того, бессарабское губернское правленіе умудрилось выселить Суру Волохъ изъ с. Головчинецъ, на томъ основаніи, что мужъ ея проживаетъ въ г. Ямполѣ, а 103 ст. уст. обязываетъ супруговъ жить вмѣстѣ (№ 67); въ такомъ же жанрѣ поступило и Подольское губернское правленіе (№ 67), такъ что опять Сенату пришлось разъяснять, что „Высочайше утв. 3 мая 1882 года Положеніе Комитета министровъ не воспрещаетъ евреямъ жить врозь отъ своихъ семействъ, и что всякія понужденія правительственнаго учрежденія къ совмѣстному проживанію жены съ мужемъ, помимо выраженнаго желанія послѣдняго, должны быть признаны неправильными“.

Не такъ то легко однако было установить понятіе временнаго пребыванія,

которое Сенатъ призналъ безусловно дозволеннымъ, и при этомъ безъ всякаго испрошенія разрѣшенія полиціи (№ 74). „Высочайшее повелѣніе 3 мая, безъ устали твердитъ Сенатъ, не стѣсняетъ принадлежащаго евреямъ, наравнѣ съ другими подданными Россіи, права свободнаго передвиженія, въѣзда въ сельскія мѣстности и временнаго пребыванія внѣ городовъ и мѣстечекъ по той или другой опредѣленной надобности, выполненіе которой не противно законамъ. Продолжительность срока такого временнаго пребыванія евреевъ въ сельской мѣстности, очевидно, зависитъ отъ той надобности, которою оно вызывается, и потому разграниченіе между проживаніемъ и временнымъ пребываніемъ еврея въ сельской мѣстности можетъ быть установлено лишь въ зависимости отъ характера той надобности, ради которой онъ находится въ данномъ мѣстѣ, а не отъ срока его пребыванія“ (№ 80 и др.).

Такимъ образомъ, Сенатъ отказался преподать какія-либо положительныя указанія, предоставивъ разрѣшеніе вопроса усмотрѣнію администраціи по обстоятельствамъ отдѣльнаго случая. А она, конечно,

не встрѣчала такихъ случаевъ, когда можно было бы разрѣшить временное пребываніе, настолько не встрѣчала, что, напр., купцу Вайсбурду запрещено было имѣть приказчицею въ лѣсу Лею Финъ только потому, что и мужъ ея состоитъ приказчикомъ у него въ лѣсу (№ 78). Да и самъ Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ по разсматриваемому вопросу оказался далеко не послѣдовательнымъ: съ одной стороны, признано было, напр., право за винокуромъ проживать на заводѣ въ періодъ винокуренія (имѣть даже при себѣ семью—№ 80), за машинистомъ—въ назначенномъ ему желѣзнодорожнымъ начальствомъ мѣстѣ жительства (№ 81), за живущими временно въ дачной мѣстности (№ 85), а съ другой—призналъ, что „годичное проживаніе на мельницѣ просителя приказчика еврея подъ видомъ (почему здѣсь „подъ видомъ"?) временнаго пребыванія было бы равносильно его поселенію въ селѣ; относительно же лѣсныхъ приказчиковъ и браковщиковъ, по д. Дубинбаума (№ 77), разъяснилъ, что пребываніе ихъ въ лѣсу для присмотра за работой и т. п. по срокъ контракта хозяина не можетъ быть разсматриваемо,

какъ воспрещенное поселеніе, а по дѣлу Трубовича и др. (№ 79) высказалъ, что пребываніе приказчиковъ въ лѣсу можетъ быть допущено не безпрерывно на весь срокъ рубки, а лишь временно въ предѣлахъ дѣйствительной надобности (?? да она вѣдь и существуетъ временно въ теченіе срока рубки), о чемъ просители могутъ каждый разъ ходатайствовать отъ сего дѣла особо. Чѣмъ могутъ кончиться такія ходатайства, само собою понятно. Но какую шаткую почву чувствовалъ Сенатъ подъ собою, видно изъ того, что въ числѣ соображеній приводится, между прочимъ, и то, что тотъ или другой лѣсъ находится въ глухой мѣстности, вдали отъ селеній и не представляетъ поэтому никакихъ хозяйственныхъ удобствъ (№ 77). Очевидно, Сенатъ видитъ цѣль закона въ томъ, чтобы отравить еврею жизнь, и потому при разрѣшеніи вопроса, имѣетъ-ли еврей право поселиться тамъ или здѣсь, нужно предварительно справиться, каково тамъ будетъ его житье?

Безконечное число рѣшеній имѣется также по вопросу о томъ, что такое сельская мѣстность, ставшая запретнымъ

плодомъ для евреевъ? Конечно, не нужно имѣть особыхъ, да и вообще какихъ-либо познаній, чтобы отличить Петербургъ отъ помѣщичьяго имѣнія, но отграничить понятіе села отъ мѣстечка, посада и т. п. оказалось гораздо болѣе легкимъ для г.г. урядниковъ, разрѣшавшихъ вопросъ примѣнительно къ возможности выслать побольше народу, чѣмъ для Сената, практика котораго, какъ замѣчаетъ составитель сборника „не проникнута единствомъ взгляда. Вслѣдствіе разнообразія юридическихъ и бытовыхъ условій признаки эти едва ли могутъ быть установлены единообразно для всѣхъ 15 губерній, входящихъ въ черту еврейской осѣдлости". Но въ чемъ различіе юридическихъ условій и какое вліяніе на рѣшеніе вопроса могутъ имѣть (по закону) бытовыя условія, объ этомъ составитель благоразумно умалчиваетъ. Правительствующій Сенатъ бродилъ здѣсь въ потьмахъ, спотыкался и естественно, что онъ наступалъ и давилъ все, что на пути его встрѣчалось. Въ рѣшеніи по дѣлу о м. Татарбунары (№ 21) Сенатъ, соглашаясь съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, что при отличіи селъ отъ мѣстечекъ

слѣдуетъ сообразоваться съ ихъ оффиціальной номенклатурой, усвоенной изданіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ: „Городскія поселенія россійской имперіи“, не рѣшился однако всецѣло довѣриться этому источнику и потребовалъ наличности еще другого признака: „распространенія на данное поселеніе установленнаго закономъ 31 мая 1871 г. № 50914 (особ. прил. къ уст. о под. изд. 1886 г.), взамѣнъ подушной подати съ мѣщанъ, налога въ пользу казны съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ“. (Въ позднѣйшихъ опредѣленіяхъ—№ 23 по д. о. м. Любомиркѣ—Сенатъ увѣряетъ, будто онъ установилъ для состава понятія мѣстечка еще третій признакъ—существованіе мѣщанскаго общественнаго управленія). „Оба (вѣрнѣе—три) эти признака,—продолжаетъ Сенатъ должны естественно (!) совпадать между собою, въ виду того, что подлежащія губернскія учрежденія, на которыя по закону возложено распредѣленіе между городами, посадами и мѣстечками общей суммы налога, опредѣляемой на губернію законодательною властью, съ одной стороны, не могли привлекать къ уплатѣ сего налога недви-

жимаго имущества въ поселеніяхъ, относящихся къ разряду сельскихъ, а съ другой, не могли и освобождать отъ налога имущества въ поселеніяхъ, значившихся по оффиціальной номенклатурѣ мѣстечками". Это разъясненіе имѣло самыя роковыя послѣдствія. Оказалось, что не все, что естественно, соотвѣтствуетъ дѣйствительности, которая можетъ быть и нелогичною. На обширномъ пространствѣ нашей отчизны отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды чего, чего не найдется, что и не снилось мудрецамъ? Нашлись поселенія, въ надлежащемъ порядкѣ признанныя мѣстечками, однако не имѣющія ни налога съ недвижимыхъ имуществъ, ни мѣщанскаго управленія, и, наоборотъ,—такія, въ коихъ требуемый налогъ взимался, а въ спискѣ городскихъ населеній они не значились; наконецъ, нашлись, напр. Требуховцы (№ 37), въ коихъ установленный для городскихъ поселеній налогъ съ недвижимыхъ имуществъ взимался—съ еврейскихъ строеній съ 1881 г., а съ христіанскихъ только съ 1888 г.

Но конечно, всѣ эти обстоятельства были оставлены безъ всякаго вниманія,

указъ Сената разнесся по лицу земли, какъ побѣдный кличъ на страхъ врагамъ, и началась работа. Жатва была весьма обильная, ибо дѣло уже шло о выселеніи не отдѣльныхъ личностей, а десятковъ и сотенъ семействъ, открывались весьма широкія перспективы. — Посыпалась масса жалобъ и не только со стороны выселяемыхъ евреевъ, но и со стороны именитыхъ владѣльцевъ, находившихъ, очевидно, что присутствіе евреевъ не мѣшаетъ благосостоянію и процвѣтанію ихъ владѣній. Въ числѣ такихъ жалобщиковъ имѣлись и особы, занимавшія видные государственные посты; назовемъ б. шефа жандармовъ, генералъ-лейтенанта Шебеко, жаловавшагося на признаніе селеніемъ принадлежащей ему Любомирки (№ 23). Прав. Сенатъ тотчасъ же созналъ свою ошибку и сталъ трубить отбой: въ только что названномъ рѣшеніи было разъяснено, что отсутствіе мѣщанскаго управленія и налога съ недвижимыхъ имуществъ „не можетъ служить законнымъ основаніемъ къ переименованію этого мѣстечка въ селеніе, въ нарушеніе правъ и интересовъ владѣльца и обывателей онаго“, и напротивъ, что

„одно наименованіе поселенія мѣстечкомъ, хотя бы и въ правительственныхъ актахъ, не имѣющихъ учредительнаго характера, не можетъ само по себѣ служить основаніемъ къ признанію за этимъ поселеніемъ законнаго свойства мѣстечка (№ 31), что свѣдѣнія сборника „Городскія поселенія въ Россійской имперіи“ заимствованы главнымъ образомъ изъ историко-географическихъ источниковъ, но какихъ либо данныхъ въ подтвержденіе правильности такого наименованія (самъ по себѣ, этотъ источникъ считается очевидно ненадежнымъ) въ дѣлахъ министерства внутр. дѣлъ не имѣется“ (№ 30). А затѣмъ Сенатъ шагнулъ еще дальше и сталъ разсуждать, что „отсутствіе формальнаго правительственнаго разрѣшенія на учрежденіе мѣстечка не могло бы само по себѣ исключать возможности наименованія Новой-Котельни мѣстечкомъ, если бы по общественному и административному устройству, по торговому значенію, занятіямъ жителей и другимъ мѣстнымъ условіямъ она имѣла бы характеръ поселенія городского, а не сельскаго“ (№ 26). Иначе говоря, и въ данномъ вопросѣ Сенатъ отказался преподавать какія либо твердыя

основанія и предоставилъ администраціи широкое поле для усмотрѣнія.

Любопытно еще отмѣтить, что отголоски этихъ „теоретическихъ“—колебаній громко слышались и давали себя чувствовать далеко за предѣлами самихъ поселеній, доставлявшихъ столь обильную пищу для упражненія государственныхъ умовъ. Дѣло въ томъ, что Высочайшее повелѣніе 29 декабря 1887 г., запретивъ переходъ евреевъ изъ однихъ селеній въ другія, вмѣстѣ съ тѣмъ дозволило „евреевъ, переселившихся послѣ 3 мая 1882 г. по день обнародованія настоящаго разъясненія изъ *однихъ сельскихъ мѣстностей* въ другія, находящіяся въ чертѣ постоянной еврейской осѣдлости, оставлять на постоянномъ жительствѣ въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ застало ихъ упомянутое разъясненіе. Такимъ образомъ терпѣлось переселеніе только изъ сельскихъ мѣстностей, и поэтому какъ только слѣдовалъ указъ Сената о признаніи даннаго селенія мѣстечкомъ, такъ начинались выдворенія переселившихся оттуда въ другую сельскую мѣстность. Такъ напр, Шистерманъ переселился въ 1887 г. изъ Татарбунары въ с. Старый-Арцизъ. Въ 1891 г. Татарбунары

признаны были мѣстечкомъ, а въ 1893 г. состоялось постановленіе губернскаго правленія о выселеніи вслѣдствіе этого изъ Арциза Мордки Шистермана. Но Сенатъ разъяснилъ, что такъ какъ съ 1887 г. по 1893 г. Шистерманъ проживалъ въ с. Старомъ Арцизѣ добросовѣстно, то выселять его оттуда нѣтъ достаточныхъ основаній (№ 55). Это разъясненіе состоялось еще въ 1895 г., указъ Сената послѣдовалъ почему то (очевидно министръ вн. дѣлъ долго не рѣшался согласиться) только въ 1898 г. и Сенату неоднократно приходилось повторять свое толкованіе по д. Ферсмана, Боброва, Друяна и т. д.

Въ связи съ установленіемъ признаковъ, опредѣляющихъ понятіе села, стоитъ вопросъ о городской и особенно мѣстечковой чертѣ, и о предѣлахъ сельской мѣстности (въ виду запрещенія переселяться изъ одной сельской мѣстности въ другую). Здѣсь также пущено было въ ходъ столько изобрѣтательности, что Сенату пришлось затратить не мало усилій, прежде чѣмъ ему удалось установить хотя какой нибудь modus vivendi. Плановъ городовъ, а тѣмъ болѣе мѣстечекъ не имѣлось, а потому представлялась

возможность устанавливать границы по своему усмотрѣнію и сжать какъ только можно тѣснѣе рамки городской черты. Достаточно было представленія кѣмъ нибудь какого нибудь частнаго плана, чтобы отрѣзать часть мѣстечка и приступить къ выселенію живущихъ тамъ евреевъ (иногда даже, повидимому, не всѣхъ живущихъ). Такъ поступило напр. Минское губернское правленіе (№ 43), признавъ Зеленую улицу не входящею въ м. Хойники и распорядившись выселить жившаго въ концѣ улицы въ своемъ домѣ еврея Шифрина, хотя, какъ оказалось изъ разсмотрѣнія дѣла Сенатомъ, „жилыя и нежилыя еврейскія строенія по лѣвой сторонѣ Зеленой улицы существовали еще во времена крѣпостничества, правая же ея сторона начала застраиваться въ 1865 г. Всѣ эти строенія уплачиваютъ съ давнихъ поръ налогъ съ недвижимыхъ имуществъ... На Зеленой улицѣ находится мѣстечковая аптека и много лавокъ, которыя въ свою очередь значатся въ торговыхъ документахъ расположенными въ мѣстечкѣ... Мѣстность подъ названіемъ Зеленой улицы составляетъ неразрывное продолженіе м. Хойникъ и имѣетъ характеръ городского

поселенія".—Сенату пришлось разъяснять, что „законъ 3 мая не ограничиваетъ правъ водворенія евреевъ одною административною чертою города, что въ черту города входятъ и выгонныя земли, такъ какъ онѣ межуются общей съ городомъ межою и находятся съ нимъ въ неразрывной связи, что „нельзя признавать за мѣстностью характера сельской только потому, что она населена крестьянами, которые, однако, платятъ городскіе налоги (№ 34); что если данная мѣстность признана была въ установленномъ порядкѣ мѣстечкомъ, то отдѣльные участки ея не могутъ уже считаться сельскою мѣстностью безразлично къ личности настоящихъ владѣльцевъ" (№ 41) и т. д. А жизнь между тѣмъ какъ нарочно изощрялась въ различнаго рода комбинаціяхъ, возбуждавшихъ „неразрѣшимыя" государственныя задачи. Такъ напр. оказалось, что д. Малыя Низгурицы, въ которой имѣла несчастье болѣе 25 лѣтъ проживать Перля Моргулисъ (№ 35), частью есть сельская мѣстность, а частью „по протоколу строительнаго отдѣленія губернскаго правленія.... присоединена къ гор. Бердичеву и включена въ городскую черту". Еще труд-

нѣе загадку задалъ Мовша Майминъ; его домъ въ имѣніи Пржесилянцы оказался построеннымъ такъ, что „одна половина его входитъ въ черту города, а другая выходитъ за черту города“. (№ 36) Слѣдовало бы, конечно, по всей справедливости разрѣшить Маймину право жительства въ одной половинѣ, а въ другую предоставить право временнаго въѣзда съ непродолжительными остановками (мы уже знаемъ изъ вышеизложеннаго, что законъ 3 мая не воспрещаетъ временнаго въѣзда для опредѣленной надобности и по срокъ этой надобности), но Витебское губернское правленіе, опасаясь, повидимому, что Майминъ не воздержится отъ соблазна нарушать законъ и будетъ проводить въ запрещенной половинѣ дома слишкомъ много времени, свыше мѣры надобности, постановило выселить его вообще изъ принадлежащаго ему дома. Прошло однако нѣсколько лѣтъ (но не больше пяти) и Прав. Сенатъ, убѣдившись, что налоги въ пользу гор. Полоцка уплачиваются Майминымъ со всего дома, разрѣшилъ ему все таки вернуться въ родное пепелище.

Все это, однако, дѣтскія забавы въ сравненіи съ тѣми трудностями, которыя

представилъ вопросъ объ опредѣленіи границъ сельской мѣстности. Здѣсь администрація могла бы съ ногъ сбиться, если бы ей не свѣтило путеводной звѣздой строго опредѣленная цѣль—выселить какъ можно больше народу. Въ самомъ дѣлѣ, Бенціонъ Боерманъ вздумалъ переходить изъ дома въ домъ; Итбергъ перешелъ въ предѣлахъ селенія Громы изъ дома, находящагося на казенной землѣ, въ домъ, расположенный на городской землѣ (№ 122); еще хитрѣе поступилъ Соломонъ Друянъ: онъ перешелъ изъ с. Большія Михайловки на принадлежавшій къ этому селу хуторъ Берестовый, а потомъ уже они возьми да раздѣлись на два сельскихъ общества, такъ что вышло, что онъ переселился изъ одной сельской мѣстности въ другую (№ 124); а Мошка Файнерманъ задумалъ перейти изъ Монастырицкаго лѣса въ Половиненскій; положимъ, что оба эти лѣса непосредственно смежны между собою и отдѣляются одной лишь канавой (№ 126), но Кіевское губернское правленіе вообще находило, что разъ въ лѣсу нѣтъ поселенія, то незачѣмъ тамъ еврею и жить (№ 49), потому, очевидно, что по закону

ему полагается эксплуатировать, и за это его надлежитъ изъ сельской мѣстности выселить; нашлись еще и другіе всякіе Маевскіе, Шпицнагели, Волынскіе и Липковы, которые переходили изъ околицы Мицконцы въ имѣніе Билюнцы, принадлежащія одному владѣльцу и отстоящія одно отъ другого въ разстояніи не болѣе полуверсты;—изъ села Ержеполь въ урочище Остраты, причемъ оба поселенія расположены на землѣ одного и того же владѣльца и раздѣляются лишь полосою земли въ 30 саженъ;—съ мельницы при дер. Віонтухнѣ, стоящей на надѣльной землѣ крестьянъ, въ самую деревню, на разстояніи 226 саж.; изъ с. Богодуховки, гдѣ проживалъ 30 лѣтъ, въ дер. Головатовку: они раздѣляются только межей и крайнія постройки ихъ отстоятъ другъ отъ друга не болѣе, какъ на сто саженей; изъ села въ село на разстояніи 100 шаговъ и т. д. Само собою разумѣется, что они безо всякого промедленія были выселены, но извѣстно же, что евреи народъ безпокойный, и очевидно поэтому они стали приносить жалобы въ Сенатъ, который и вернулъ ихъ всѣхъ въ мѣста жительства и въ концѣ концовъ,

несомнѣнно, убѣдился, что указать, гдѣ кончается одна сельская мѣстность и начинается другая, выше всякихъ человѣческихъ силъ. „Дер. Довляды и село Бѣлосорока, — говоритъ Сенатъ, — находятся другъ отъ друга въ трехъ-верстномъ разстояніи, надѣлены землей, находящейся въ одной нераздѣльной площади, по одному плану и выкупному акту и по одному окладному листу платятъ поземельные налоги и имѣютъ одного сельского старосту и посему, въ виду такихъ общихъ признаковъ, д. Довляды и с. Бѣлосорока должны быть признаемы за одну сельскую мѣстность“ (№ 123), а съ другой стороны по д. Авербуха (№ 121) Сенатъ призналъ, что хотя дер. Пруды и Чесновщины расположены въ раіонѣ одного сельского общества, но по своему характеру (??) представляютъ собою совершенно отдѣльныя поселенія; по д. Иткинда (№ 127) Сенатъ нашелъ, что два урочища, находящіяся на земляхъ одного и того же владѣльца, въ разстояніи 3-хъ верстъ, представляютъ одну сельскую мѣстность, а по д. Горѣликова Блохмана (№ 121) высказано было, что фольварокъ Прудокъ и с. Домовицкъ,

хотя и принадлежатъ одному владѣльцу, но находятся другъ отъ друга на разстояніи 4-хъ верстъ и составляютъ разныя сельскія мѣстности. По д. Бенціона Славина (№ 129) г.г. сенаторы нашли, что „при столь близкомъ (полверстномъ) разстояніи одна лишь принадлежность Поливечей и Прозорокъ разнымъ владѣльцамъ не можетъ служить основаніемъ къ признанію ихъ отдѣльными сельскими мѣстностями", а въ рѣшеніи по д. Абрамовича (№ 131— оба рѣшенія одного и того же года — читаемъ: „имѣніе Прусиново и фольварокъ Запорожье не могутъ быть признаны, несмотря на близкое другъ отъ друга разстояніе, входящими въ составъ одной и той же сельской мѣстности". Однимъ словомъ, ни одного положительнаго признака, дѣйствуй, какъ Богъ на душу положитъ.

Намъ остается теперь коснуться положенія тѣхъ евреевъ, которые счастливо избѣгли всѣхъ отмѣченныхъ нами подводныхъ камней; они поселились задолго до изданія закона, такъ что ни вторичныя, ни первичныя дознанія не могли бы ихъ выкурить; дома ихъ обѣими половинами стоятъ на своемъ мѣстѣ и никакихъ зага-

докъ не задаютъ—жить бы имъ да поживать здѣсь до смерти. Но ядъ сомнѣнія такъ сильно пропиталъ административную атмосферу, что пары его осаживаются на евреѣ, едва только онъ на свѣтъ Божій покажется. Такъ, Екатеринославское губернское правленіе сильно усумнилось, имѣетъ-ли право Іосель Гольманъ проживать въ с. Каменскомъ, такъ какъ онъ работаетъ на заводѣ и ничего общаго съ крестьянами с. Каменскаго не имѣетъ, и сомнѣнія разрѣшились запрещеніемъ Гольману тамъ оставаться (№ 57); Бессарабское губернское губернское правленіе выселило жену и несовершеннолѣтнихъ дѣтей Мошки Розенберга, какъ не показанныхъ въ его паспортѣ (№ 59); Ковенское и другія правленія возбудили серьезныя сомнѣнія, вправѣ ли оставаться въ сельскихъ мѣстностяхъ евреи, живущіе тамъ хотя бы и съ незапамятныхъ временъ, если они не владѣютъ въ мѣстахъ ихъ осѣдлости недвижимымъ имуществомъ на правѣ собственности и проживаютъ въ домахъ частныхъ владѣльцевъ безъ контрактовъ или же съ контрактами нигдѣ не явленными? (№ 56).—Когда наконецъ всѣ эти и подобныя сомнѣнія

были разрѣшены Сенатомъ, объяснившимъ всю ихъ неосновательность, то администрація зорко стала слѣдить, чтобы евреи смирно сидѣли по своимъ домамъ, зря бы не шлялись и никуда за надобностью и безъ надобности не отлучались бы. Чуть высунетъ какой-нибудь Мошка носъ въ окно, какъ водвореніе обратно этого носа уже возбуждаетъ среди мѣстной администраціи вопросъ, не слѣдуетъ ли оное разсматривать, какъ новое поселеніе въ сельской мѣстности. Въ самомъ дѣлѣ—въ этой области сборникъ раскрываетъ такіе факты, которымъ ни за что нельзя было бы повѣрить, если бы не его полуофиціозный характеръ (изданъ сборникъ б. оберъ-секретаремъ Сената съ разрѣшенія министра юстиціи). Судите сами: Фроймъ Васерманъ, долговременно и безвыѣздно проживавшій въ с. Переймѣ, отлучился на короткое время (по показаніямъ крестьянъ— отъ 2 недѣль до 3 мѣсяцевъ) въ с. Стратіевку; возвращеніе его обратно подольскимъ губернскимъ правленіемъ сочтено было за новое поселеніе и онъ былъ выселенъ (№ 89). Такъ же поступлено было съ Гиселемъ Денербергомъ, который, поселив-

шись въ с. Сошно задолго до 3 мая 1882 г., переѣхалъ въ 1892 г. къ брату въ дер. Ярмоки, вслѣдствіе постигшаго его бѣдствія—пожара (№ 99). Тоже выпало на долю Вейнтлина, семейство котораго въ теченіе 3 или 4 мѣсяцевъ, вслѣдствіе дифтеритной эпидеміи въ с. Яновкѣ, проживало временно въ м. Александровкѣ, куда Вейнтлинъ пріѣзжалъ навѣщать свою семью (№ 92), съ Кивой Храпуномъ, который, проживая въ с. Жеребкахъ отъ рожденія, отлучался въ 1893 г. въ отстоящую отъ с. Жеребокъ въ 12 верстахъ трактовую корчму, чтобы присматривать за больнымъ своимъ тестемъ, откуда послѣ смерти тестя возвратился немедленно обратно въ с. Жеребки. Такъ же безпощадно выселили Соломонова, который въ августѣ 1887 г. выѣхалъ изъ с. Акимовка въ г. Бобруйскъ, чтобы представить своего слабоумнаго сына въ воинское присутствіе и взялъ съ собою остальныхъ дѣтей, такъ какъ передъ тѣмъ умерла его жена; въ Бобруйскѣ сынъ пролежалъ три мѣсяца въ военномъ госпиталѣ!! (№ 92). Конечно, Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ всѣ эти невѣроятныя постановленія, но вѣдь до этого

сколько времени прошло—взять, напр., опредѣленіе по д. Арцишевскаго (№ 92—отлучился съ цѣлью лѣченія): это опредѣленіе состоялось 2 декабря 1897 года, а указъ посланъ 29 октября 1898 г. А по д. Вольдмана—опредѣленіе помѣчено двумя датами: 9 октября 1896 г.—26 апрѣля 1900 г. (№ 91), т. е. вслѣдствіе происшедшаго разногласія (или неполученія отзыва министра) дѣло слушалось вторично черезъ четыре года, со времени же возбужденія дѣла до полученія указа прошло навѣрное лѣтъ семь! Стоитъ поразсмыслить, какъ чувствовали себя, гдѣ обитали и что дѣлали эти объекты полицейскаго „сомнѣнія“ до полученія указа Сената, но еще важнѣе задуматься надъ тѣмъ, что возможны такіе факты, что люди способны вынести и ихъ.— А между тѣмъ, увы! эпопея еще далеко не кончена: можно разсказать еще о томъ, какъ Фрейда Стрижевская переселилась въ корчму Будынову Гору изъ с. Зарванецъ, вслѣдствіе послѣдовавшаго рѣшенія мироваго судьи о возстановленіи нарушеннаго владѣнія; послѣ отмѣны рѣшенія судьи Фрейда тотчасъ вернулась въ с. Зарванецъ, и была выселена подольскимъ губернскимъ пра-

ленiемъ, какъ вновь поселившаяся. Но повольское губернское правленiе не стоитъ одиноко, сборникъ отмѣчаетъ еще 13 аналогичныхъ рѣшенiй, прибавляя къ этому: «и много другихъ». Также „много другихъ“ опредѣленiй Сената имѣется по жалобамъ лицъ, которые, вернувшись домой послѣ отбытiя воинской повинности, были стремительно изгнаны съ насиженныхъ мѣстъ, какъ новые поселенцы. Какое дѣло губернскимъ правленiямъ до того, что, какъ разъяснилъ Сенатъ, исполненiе государственной повинности, очевидно, отнюдь не можетъ имѣть послѣдствiемъ утрату какихъ-либо правъ, которыми „онъ“ пользовался бы, если бы не былъ призванъ къ отбытiю воинской повинности,—задача всецѣло исчерпывается выселенiемъ сколь можно большаго количества евреевъ, какой бы экономической и нравственной цѣной это ни было куплено.

Остановимся въ заключенiе на тѣхъ евреяхъ, которые не виноваты ни въ томъ, что ихъ постигъ дифтеритъ, ни въ томъ, что имъ вздумалось отбывать воинскую повинность; которые не женятся, не ходятъ на заработки, словомъ, казалось бы, ни-

чѣмъ не безпокоятъ полицію. Но нѣтъ, и они, оказывается, доставляютъ не мало хлопотъ. Вотъ, наприм., сгорѣла большая часть села Старыхъ Бобовичей. Вслѣдствіе пожара земскою управою село было распланировано для новыхъ построекъ, и земля, на которой прежде помѣщался домъ Шмерки Чернова, отошла подъ площадь. Шмерка, „не имѣя возможности выстроить на прежнемъ мѣстѣ новый домъ, по словесному условію, нанялъ у крестьянина этого же села землю и приступилъ уже къ постройкѣ дома, но постройка эта въ виду закона 3 мая 1882 г., была пріостановлена мѣстною полиціей“ (№ 168). Такъ поступили въ Черниговской губерніи, а въ Волынской и „многихъ другихъ“ полагали, что вообще евреямъ въ селахъ можно помѣщаться подъ открытымъ небомъ, такъ что Сенату пришлось разъяснить, что „для осуществленія права, предоставленнаго имъ (евреямъ) закономъ проживать въ сельскихъ мѣстностяхъ, за евреями, поселившимися въ такихъ мѣстностяхъ до 3 мая 1882 года или перешедшими изъ одной сельской мѣстности въ другую, до обнародованія закона 27 декабря 1887 г., должно

быть признано право нанимать въ тѣхъ мѣстностяхъ квартиры или строить для собственнаго жительства дома на арендованныхъ ими собственно съ этой цѣлью земляхъ (№ 169). Но именно только «собственно съ этой цѣлью», арендовать же домъ для открытія молитвенной школы Сенатъ призналъ невозможнымъ (№ 171), боясь, что такимъ образомъ евреи «могли бы распространить эту (недвижимую) собственность въ ущербъ коренному населенію" (?? № 157).

Даже и послѣ смерти еврей не перестаетъ безпокоить начальство, и въ Полтавскомъ губернскомъ правленіи возбужденъ былъ вопросъ, распространяется ли законъ 3 мая 1882 года на мертвыхъ, а именно—можно-ли евреямъ пріобрѣтать земли для устройства кладбищъ?—И Сенатъ нелицепріятно призналъ, что законъ запрещаетъ пріобрѣтать для какой бы то ни было цѣли земли внѣ городовъ и мѣстечекъ; но такъ какъ перевозка тѣлъ умершихъ и въ особенности скончавшихся отъ заразныхъ болѣзней можетъ грозить значительною опасностью общественному здоровью, то Сенатъ принялъ на себя функціи

законодателя и допустилъ „изъятіе изъ вышеприведеннаго закона въ смыслѣ разрѣшенія евреямъ покупать земли въ деревняхъ для устройства кладбищъ... съ тѣмъ однако условіемъ, что право пріобрѣтенія земель для означенной цѣли должно быть допущено только для еврейскихъ обществъ, а не для отдѣльныхъ лицъ евреевъ“ (№ 165). Сенатъ желаетъ быть снисходительнымъ, но безъ послабленія. Лишняго ничего не нужно. Боюсь, и безъ того можно упрекнуть Сенатъ, что онъ установилъ льготу не только для умершихъ отъ заразительныхъ болѣзней, но и для всѣхъ, хотя ихъ трупы большою общественною опасностью не угрожаютъ и могли бы быть перевозимы въ мѣстечки, гдѣ евреямъ жить дозволяется.

Нужно ли досказывать, нужно ли ставить точку надъ і?.

Какія бы мы слова не придумывали, какъ бы громко не негодавали, все это не можетъ соотвѣтствовать тому безвыходному ужасу, какимъ вѣетъ отъ безхитростныхъ и безстрастныхъ описаній фактовъ въ рѣшеніяхъ Сената.

Само собою разумѣется, что такое положеніе à la longue сохраняться не могло.

Русскимъ евреямъ предстояло или исчезнуть съ лица земли или переродиться. Къ счастью, они оказались не стекломъ, а булатомъ, который тяжкій млатъ не дробитъ, а куетъ. Что вышло изъ этого, мы увидимъ ниже, въ статьѣ „Современная постановка еврейскаго вопроса“. Для полной же характеристики отношенія бюрократіи, необходимо еще разсмотрѣть, какими способами она пыталась успокоить евреевъ.

III.

Палліативы.

Въ началѣ 1904 г. предъ нами прошелъ рядъ судебныхъ процессовъ, являвшихся печальнымъ отголоскомъ той ужасной, невѣроятной драмы, которая произошла въ Кишиневѣ въ апрѣлѣ 1903 года. — Изъ отчетовъ объ этихъ процессахъ видно, что злополучныя жертвы драмы и ихъ заступники съ разныхъ сторонъ пытались подойти и приподнять завѣсу, чтобы опредѣлить, кто же и какъ ее поставилъ на сцену? Пробовали предъявить искъ къ б. губернатору, который по удачному выраженію повѣреннаго исцовъ, одну половину дня сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и телефонировалъ, а вторые полдня сидѣлъ и не телефонировалъ, искали съ б. вице-губернатора, который, временно управляя губерніей, запретилъ распространеніе примирительной проповѣди о. Іоанна Кронштадтскаго, боясь,

что она возбудитъ жителей къ новому погрому; жаловались, наконецъ, на судебную палату, что она всячески мѣшала полному раскрытію истины, которую судебный слѣдователь изгонялъ чуть ли не кнутомъ и т. д. Все было тщетно. Всѣ жалобы и просьбы оставлены безъ послѣдствій. Виноватыхъ не оказалось.

И, можетъ быть, неожиданно даже для самого себя, Сенатъ оказался тонкимъ судьею. Виновныхъ въ сущности нѣтъ; все это было неизбѣжно какъ стихія.

Въ нѣкоторыхъ семьяхъ, кромѣ, такъ сказать, естественныхъ членовъ семьи, есть еще случайные:—овдовѣвшая тетушка, которой некуда дѣваться; какая-нибудь круглая сиротка или забывшій умереть дѣдушка Ужасно они мѣшаютъ семейному счастью, и хотѣлось бы отъ нихъ избавиться, да вотъ Богъ не беретъ, и прогнать — стыдно предъ сосѣдями, не принято. Живутъ они со дня на день, нежеланные, возбуждая общее пренебреженіе. И это живо чувствуется всѣми въ домѣ, какой-нибудь нахалъ лакей непремѣнно обнесетъ, забудетъ подать, а то и прямо надерзитъ такому родственнику...

Невольно вспоминается эта семейная картина, когда думаешь о евреяхъ въ Россіи. Никогда евреи не были полноправными гражданами своего отечества, они сравнивались съ прочимъ населеніемъ только въ своихъ обязанностяхъ и за неисполненіе этихъ обязанностей карались строже, нежели остальные. — Каждый день грозитъ новой бѣдою. Сегодня выселяютъ изъ селъ и деревень, завтра изъ Кубани, потомъ изъ Ялты, потомъ изъ Москвы. Сегодня купцы, завтра ремесленники, а тамъ очередь и за „образованными“, которыхъ когда то всячески поощряли. И все это въ значительной мѣрѣ случайно, въ зависимости отъ иниціативы отдѣльныхъ лицъ, безъ всякой связи и соображенія съ другими законами, все это преслѣдуетъ лишь одну цѣль—стѣснить жизнь, и имѣетъ неизмѣннымъ результатомъ — униженіе человѣческаго достоинства.—Мудрено ли, что при столь опредѣленной тенденціи законодательства исполнители отличаются необычайнымъ безудержнымъ рвеніемъ, мудрено ли, что всякое накопленіе недовольства по закону locus minoris resistentiae разрѣшалось въ сторону еврейскаго погрома, мудрено ли, что подъ такими

вліяніями физіономія народа измѣнилась до неузнаваемости?

И если бы даже, вопреки случившемуся, Сенатъ призналъ, что въ то время, „какъ рушатся устои человѣческаго общежитія, когда кровь дымится на улицахъ, нельзя ограничиться телефонированіемъ, и взыскалъ съ ф.-Раабена и другихъ, то, конечно, сущности дѣла это не помогло бы ни на іоту Намъ уже неоднократно приходилось высказывать въ печати и мы вновь повторяемъ эту ясную и простую мысль, что до тѣхъ поръ, пока законодательство не измѣнитъ своего отношенія къ евреямъ, до тѣхъ поръ независимо отъ частныхъ причинъ, играющихъ роль въ отдѣльныхъ случаяхъ, эти ненормальныя явленія не прекратятся, до тѣхъ поръ нѣтъ гарантій внутренняго мира.— Совершенно справедливо на дняхъ еще одна законодательнная комиссія повторила извѣстную истину, что такова сила закона, что своимъ велѣніемъ онъ воздѣйствуетъ на самые нравы.

Съ этой, именно съ этой точки зрѣнія мы горячо привѣтствуемъ оповѣщенную газетами отмѣну ограничительныхъ законовъ о правѣ жительства евреевъ въ пяти-

десятиверстной отъ западной границы полосѣ. — Какъ видно изъ проникшихъ въ газеты мотивовъ Государств. Совѣта, начиная еще съ 1812 г. (объ этомъ ли тогда слѣдовало думать?), стали приниматься мѣры къ удаленію евреевъ отъ западной границы, не стѣсняясь при этомъ никакими юридическими и политическими соображеніями. Приказывалось выселить ихъ немедленно, въ трехнедѣльный срокъ; потомъ приказаніе оказывалось немыслимымъ исполнить и давалась отстрочка и т. д.; въ 1858 г. разрѣшено жительство въ пограничной полосѣ лишь тѣмъ евреямъ, которые до изданія закона приписаны были къ мѣстнымъ обществамъ, а въ 1895 г. послѣдовало опять Высочайшее повелѣніе о пріостановленіи выселенія изъ полосы всѣхъ вообще евреевъ, незаконно тамъ поселившихся.

И вотъ тутъ началась работа Сената, чтобы выйти изъ тѣхъ противорѣчій и нелѣпостей, въ которыя этотъ законъ то и дѣло ставилъ. Нужно было опредѣлить, входитъ ли эта 50 в. полоса въ черту осѣдлости или ее нужно разсматривать внѣ черты и подчинить соотвѣтственнымъ законамъ? Распространяется ли на нее законъ

о жительствѣ внѣ городовъ и мѣстечекъ? Запрещается ли въ 50 в. полосѣ жить тѣмъ евреямъ, которые имѣютъ право жить внѣ черты? Какъ опредѣлить 50 в. разстояніе? Какъ поступать съ тѣми мѣстностями (напр., Кишиневъ), которыя, въ зависимости отъ внѣшнихъ событій, то входили въ полосу, то выходили изъ нея? Создана была какая то особая карта, удостоившаяся Высоч. утвержденія, затѣмъ она была потеряна и снова найдена, затѣмъ составленъ былъ списокъ поселеній, который совершенно не сходился съ дѣйствительностью, и т. д. Все это вызывало тысячи рѣшеній, другъ другу противорѣчащихъ и поэтому нисколько не удовлетворявшихъ правового чувства. Оказывалось, напр., что г. Луцкъ входитъ въ 50 в. полосу, а его предмѣстье Вулька-Подлуцкая не входитъ, что с. Купичево дѣлится на двѣ части, изъ коихъ одна входитъ, а другая не входитъ въ 50 в. полосу и т. д. Нерѣдко эти вопросы, возбуждая разногласіе въ 1 д-тѣ и въ общемъ собраніи Сената, переходили въ Госуд. Совѣтъ, изъ соединеннаго присутствія въ общее собраніе и разрѣшались Высочайшей властью. И тогда это длилось десятилѣтіями, а въ

ожиданіи разрѣшенія вопроса людей выселяли изъ насиженныхъ мѣстъ, до тла разоряли, „не стѣсняясь ни юридическими, ни политическими соображеніями“. Въ результатѣ же оказывалось, что въ началѣ 90-хъ годовъ въ этой злополучной полосѣ проживало свыше 30 т. евреевъ незаконно, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія это число превысило 100 тысячъ.—Очевидно, что запрещеніе било совсѣмъ не того, кого законъ имѣлъ въ виду. Эти послѣдніе, какъ блестяще подтверждаетъ опытъ настоящаго закона, почти сто лѣтъ безплодно боровшагося съ контрабандистами, всегда найдутъ тысячу средствъ, чтобы обойти запрещеніе, а оно всей своей тяжестью падетъ на ту ужасную еврейскую трудящуюся нищету, самое существованіе которой нерѣдко представляется загадкой.

Но несмотря на то, что еще въ началѣ 70-хъ годовъ законъ этотъ въ правительственныхъ сферахъ признанъ былъ анахронизмомъ, сколько десятковъ лѣтъ еще понадобилось, чтобы снять одно изъ темныхъ пятенъ, клеймящихъ націю! Да и то не совсѣмъ! Оставлены въ силѣ правила объ административной высылкѣ евреевъ, при-

знанныхъ виновными въ контрабандномъ промыслѣ даже не судомъ, а таможеннымъ начальствомъ. Мы не касаемся самаго значенія этой мѣры, но нельзя не удивляться, почему она относится только къ евреямъ, а не къ контрабандистамъ вообще. Развѣ они представляютъ въ этомъ отношеніи что нибудь особенное? Развѣ на золотыхъ пріискахъ Сибири безъ малѣйшаго участія евреевъ не цвѣтетъ еще болѣе пышнымъ цвѣтомъ, такъ называемый, спиртоносный промыселъ?

Мы сказали выше, что привѣтствуемъ этотъ новый законъ съ точки зрѣнія правильнаго отношенія къ національности. По существу же онъ, если и приноситъ собою нѣкоторое облегченіе, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ устанавливаетъ и новое стѣсненіе, ибо только что Прав. Сенатъ (указ. 22 ноября 1903 г. № 556) разъяснилъ, что законъ 3 мая 1882 г. и другіе, касающіеся черты осѣдлости, не распространяются на 50-ти верстную полосу, а новый законъ подчинилъ ее дѣйствію и тѣхъ ограниченій, и такимъ образомъ масса евреевъ, живущихъ въ полосѣ, отнынѣ будетъ прикрѣплена къ своимъ мѣстамъ и лишена будетъ права

переходить изъ городовъ въ села и изъ села въ село, иначе говоря, весь этотъ жалкій пролетаріатъ начнетъ еще сильнѣе вариться въ своемъ собственномъ соку.

И все таки, повторяемъ, законъ этотъ чрезвычайно благопріятенъ въ принципіальномъ отношеніи. Не можетъ же быть, чтобы отмѣна ограничительныхъ законовъ совершалась такъ же случайно, какъ въ послѣдніе годы ихъ изданія. Хочется вѣрить, что это есть лишь первый шагъ на пути къ возстановленію попраннаго человѣческаго достоинства, первая рѣшительная попытка къ устраненію печальныхъ явленій, вродѣ Кишиневскаго; при одномъ воспоминаніи о нихъ становится больно и стыдно за человѣка.

---

11 августа 1904 г. послѣдовалъ Именной Высочайшій Указъ о „нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о правахъ ихъ (евреевъ) жительства въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи". Это тѣ „облегчительныя мѣры", о какихъ недавно сообщалъ „Гражданинъ". Такимъ образомъ, съ перваго взгляда, какъ будто исполняется наша надежда, вызванная отмѣной 50 верст-

ной черты, надежда, что то былъ лишь первый шагъ на пути къ возстановленію попраннаго человѣческаго достоинства, первая рѣшительная попытка къ устраненію печальныхъ явленій, вродѣ кишиневскаго погрома.

Однако, при ближайшемъ ознакомленіи съ новыми „правилами“, приходится убѣдиться, что изъ одиннадцати пунктовъ, въ немъ содержащихся, лишь одинъ вноситъ болѣе существенное измѣненіе въ законоположенія объ евреяхъ — это именно п. 7, приравнивающій евреевъ солдатъ, сражающихся на Дальнемъ Востокѣ, къ отставнымъ нижнимъ чинамъ, поступившимъ на службу по рекрутскому уставу, съ той однако разницей, что послѣднимъ право повсемѣстнаго жительства предоставлено самимъ фактомъ службы, а отъ первыхъ требуется, чтобы они „удостоились пожалованія знаками отличія или вообще безпорочно несли службу въ дѣйствующихъ войскахъ“. Какихъ доказательствъ „безпорочной службы“ будетъ требовать практика, предусмотрѣть трудно. Но что съ этимъ могутъ быть связаны серьезныя затрудненія при пользованіи правомъ, предоставленнымъ этимъ

пунктомъ, трудно сомнѣваться тѣмъ, кто знакомъ съ практикой толкованія законовъ, касающихся евреевъ. Что же касается п. 6 закона, предоставляющаго евреямъ, удостоеннымъ званія коммерціи или мануфактуръ совѣтника, непринадлежавшее имъ до сихъ поръ право повсемѣстнаго въ Имперіи жительства, то этого званія евреи удостаиваются при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ — въ уваженіе личныхъ заслугъ по распространенію торговли и промышленности, — количество евреевъ мануфактуръ и коммерціи совѣтниковъ не превышаетъ десяти—пятнадцати человѣкъ, и потому эта мѣра имѣетъ совершенно частное значеніе. Всѣ же остальные пункты не содержатъ вовсе никакихъ „измѣненій въ законоположеніяхъ“, а лишь возстановляютъ правильное примѣненіе дѣйствующихъ законовъ, которымъ Правительствующій Сенатъ въ послѣдніе годы давалъ неправильное толкованіе. Въ самомъ дѣлѣ, новое положеніе устанавливаетъ рядъ изъятій изъ 1 п. правилъ 3 мая 1882 г., воспрещающихъ евреямъ въ чертѣ осѣдлости селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ. Изъяты, во-первыхъ, лица, окончившія курсъ въ высшихъ

учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, ихъ жены и дѣти. Но въ цѣломъ рядѣ указовъ — по дѣлу врача Чернихова, врача Лурье, врача Френкеля, апт. помощника Работникова и многихъ другихъ — Правительствующій Сенатъ неуклонно признавалъ, что законъ, предоставляя право „лицамъ особой категоріи изъ евреевъ на повсемѣстное жительство, является закономъ частнымъ, какъ послѣдовавшій лишь въ отношеніи только извѣстной группы евреевъ, тогда какъ правила 3 мая 1882 г. составляютъ законъ, общій для евреевъ и, за неуказаніемъ послѣднимъ на отмѣну предшествовавшаго закона касательно евреевъ съ медицинскимъ образованіемъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не можетъ лишать этихъ послѣднихъ евреевъ, по силѣ 79 ст. осн. зак., права жительства въ селеніяхъ“. И только въ текущемъ году по дѣлу инженера Заблудовскаго вопросъ этотъ, послѣ многолѣтнихъ скитаній по разнымъ инстанціямъ, былъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Далѣе, приведенныя соображенія Сената mutatis mutandis вполнѣ примѣнимы и къ купцамъ 1-й гильдіи, и къ ремесленникамъ, и къ нижнимъ чинамъ, поступившимъ на

службу по рекрутскому уставу, о правѣ жительства которыхъ точно также существуютъ спеціальныя законоположенія, и относительно которыхъ, слѣдовательно, новыя „правила“ подтверждаютъ и до сихъ поръ принадлежащее имъ право.

Точно также до послѣдняго времени въ Сенатѣ не возбуждалось сомнѣній о томъ, что евреи, въ теченіе 10-ти лѣтъ пробывшіе въ купечествѣ 1-й гильдіи внѣ черты осѣдлости, пользуются затѣмъ правомъ повсемѣстной приписки и жительства съ членами ихъ семействъ, что этимъ же правомъ пользуются жены и вдовы евреевъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи. Теперь новому закону пришлось подтвердить за ними это право лишь потому, что Правительствующій Сенатъ измѣнилъ свои взгляды и сталъ стѣснять евреевъ свыше мѣры, дѣйствующими законами установленной.

Но мало того: какъ бы предвидя, что эти стѣсненія могутъ пойти еще дальше, новыя „правила“ подтверждаютъ за евреями такія права, которыя и до сего момента признаются Сенатомъ. Сюда относится право евреевъ, получившихъ высшее образованіе, повсемѣстно заниматься торговлей

на общихъ основаніяхъ (указъ Сената по дѣлу Сапотницкаго и мн. др.) и право евреевъ во время пребыванія ихъ внѣ городовъ и мѣстечекъ, въ чертѣ еврейской осѣдлости расположенныхъ, заключать сдѣлки по найму имуществъ для ихъ жилья (указъ Сената 28 сентября 1888 г. по дѣлу Чернова и рѣшеніе общаго собр. 1-го кас. деп. Пр. Сената 1 марта 1899 г. № 3). Такимъ образомъ, новый законъ, къ сожалѣнію, не содержитъ ничего существенно новаго; это не то, на что можно было надѣяться послѣ первой отмѣны ограничительнаго закона. Но какъ показатель направленія, какъ свидѣтельство сознанной необходимости измѣнить отношеніе къ націи, законъ этотъ имѣетъ серьезное значеніе. Онъ „воздѣйствуетъ“ на самые нравы и лучшимъ подтвержденіемъ этому можетъ служить, что даже „Новое Время“ уже успѣло обратить вниманіе общества на то, что евреи проливаютъ кровь свою на Дальнемъ Востокѣ и что въ Тюренченскомъ бою „крестъ опять засіялъ“, потому что два музыканта еврея, ступая по трупамъ своихъ единовѣрцевъ, поддержали руки обезсилѣвшаго священника.

На ряду съ этимъ можно отмѣтить и еще одну „облегчительную мѣру". Нѣсколько евреевъ-помощниковъ прис. повѣренныхъ получили званіе прис. повѣреннаго. Это первый случай[1]) съ 1889 года, когда присвоеніе этого званія евреямъ было предоставлено усмотрѣнію министра юстиціи. Всѣ эти лица пробыли въ званіи помощника 15—18 лѣтъ, и, не касаясь того, что многіе изъ нихъ пріобрѣли извѣстность не только въ рядахъ адвокатуры, но и въ наукѣ, само собой разумѣется, что не вчера только они могли быть признаны достойными своего новаго званія. Вчера они не прибавили къ этому имени ничего, чего не было у нихъ уже въ тотъ моментъ, когда они окончили законный 5-ти лѣтній стажъ. Если же вчера они признаны прис. повѣренными, то значитъ, что только вчера устранилось препятствіе, внѣ ихъ лежавшее, отъ ихъ достоинствъ совершенно независимое. Къ сожалѣнію, однако, препятствіе устранилось только частично, и многія лица, безусловно достойныя, горячо поддерживаемыя

[1]) Мы не считаемъ совершенно особеннаго случая присвоенія званія прис. пов. бывшему члену казан. окружнаго суда Диллону, чуть ли не наканунѣ его смерти.

совѣтомъ, остались по прежнему за флагомъ. Достаточно назвать имена Г. Ѳ. Блюменфельда, блестящаго цивилиста, сочиненіе котораго увѣнчано премiей Академіи Наукъ, и О. О. Грузенберга, одного изъ самыхъ выдающихся и талантливыхъ ораторовъ. А между тѣмъ, если прежде, при отсутствіи хотя бы единаго исключенія, такое оставленіе за флагомъ могло объясняться исключительно „общими соображеніями“, то теперь, когда часть помощниковъ получила званіе прис. повѣренныхъ, оставленіе другихъ въ прежнемъ положеніи пріобрѣтаетъ одіозный характеръ. Невольно можетъ возникнуть предположеніе, что эти послѣдніе не обладаютъ достаточными нравственными качествами, — но это рѣшительно не допустимо въ виду того, что они рекомендованы совѣтами, окружными судами и палатами,—или, что здѣсь имѣли значеніе случайныя обстоятельства, ничего общаго съ требованіями, предъявляемыми закономъ званію прис. повѣреннаго, не имѣющими,—и это подтверждается тѣмъ, что званіе получило сначала человѣкъ 20, а затѣмъ еще три лица. — Очевидно, что разъ устранено „препятствіе“, министерство

юстиціи на этомъ не остановится и должно будетъ присвоить званіе присяжнаго повѣреннаго всѣмъ, кто по своимъ нравственнымъ качествамъ удовлетворяетъ требованіямъ закона. А для сужденія объ этомъ единственнымъ источникомъ могутъ служить отзывы совѣтовъ, окружныхъ судовъ, а никакъ не случайныя, „закулисныя“ свѣдѣнія, составленныя подъ вліяніемъ, увы, столь частыхъ въ послѣднее время „инцидентовъ“, нисколько не касающихся нравственной физіономіи адвоката.

Итакъ, приведенныя до сихъ поръ „облегчительныя мѣры“, къ сожалѣнію, еще далеко не знаменуютъ рѣшительнаго разрыва съ печальнымъ прошлымъ. Съ этой точки зрѣнія наиболѣе важнымъ моментомъ новаго закона является то, что даваемое имъ разъясненіе дѣйствующихъ законовъ въ благопріятномъ для евреевъ смыслѣ прямо противоположно взглядамъ, еще на дняхъ выраженнымъ законодателемъ въ Высоч. утв. мнѣніяхъ Госуд. Совѣта по д. Заблудовскаго и Бернштейна.

Съ того момента одно крупное событіе произошло въ нашей жизни—война. И не было бы ничего удивительнаго, если бы

взглядъ законодателя измѣнился именно подъ вліяніемъ этого событія. И это не только потому, что на далекихъ поляхъ дымится еврейская кровь. Право на существованіе не должно быть доказываемо кровью. Война и сама по себѣ обостряетъ потребность во внутреннемъ мирѣ, выясняетъ силу и значеніе всеобщаго единенія.

М. Б. РАТНЕРЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ПОСТАНОВКА ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ.

Современная постановка еврейскаго вопроса въ Россіи.

Вновь подвергается „пересмотру“ „законодательство о евреяхъ“, вновь „обсуждается“ на этотъ разъ въ комитетѣ министровъ, „еврейскій вопросъ“. Вопросъ, убѣгающій въ даль міровой человѣческой исторіи, полный глубокаго и тревожнаго текущаго смысла, чреватый неисчислимыми послѣдствіями въ будущемъ. Вопросъ, о которомъ говорили слишкомъ много, но сказано слишкомъ мало. А главное—вопросъ, затрагивающій насущные, кровные интересы многомилліоннаго народа, вынесшаго на своихъ согбенныхъ плечахъ тяжесть многовѣковыхъ историческихъ движеній, испытавшаго всѣ ужасы многоразличной человѣческой несправедливости... Поистинѣ страшна и трагична судьба ев-

рейскаго народа въ Россіи. Вся жизнь его проходитъ въ суровомъ мірѣ безконечныхъ „ограниченій“, гдѣ на каждомъ шагу безпощадно попирается его человѣческое достоинство, гдѣ неизмѣнно и властно господствуетъ ничѣмъ неприкрываемая бюрократическая опека и доходящій до открытаго цинизма административный произволъ... Но въ страшномъ мракѣ этой гнетущей, порабощающей умъ, притупляющей чувство и подавляющей волю дѣйствительности безъ устали бьется чуткая мысль современнаго русскаго еврея въ мучительныхъ поискахъ за правильнымъ рѣшеніемъ наболѣвшаго „еврейскаго вопроса“, въ безсильныхъ двойственныхъ порывахъ къ воплощенію той свободы, которая приведетъ къ обновленію Россіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, къ уврачеванію всѣхъ золъ еврейской жизни. Да, нельзя скрывать. Дѣятельность современнаго еврея въ процессѣ общерусской жизни зачастую по неволѣ, не по его винѣ, страдаетъ нѣкоторою двойственностью. Она двойственна потому, что даже теперь, когда на горизонтѣ русской жизни клубится дымокъ, предвѣщающій разгаръ гря-

дущей свободы, евреи часто съ смущеніемъ въ умѣ и тревогою въ сердцѣ спрашиваютъ: да воспользуются-ли и они въ полной мѣрѣ благами той свободы, за которую они уже теперь заплатили столь тяжелой цѣной, на алтарь которой принесли столько страшныхъ жертвъ...

Въ чемъ же причина столь ненормальнаго положенія огромной шести-милліонной массы русскихъ подданныхъ, несущихъ всѣ повинности и тягости подневольнаго отечественнаго существованія? Чтобы быть въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ, бросимъ бѣглый взглядъ на строй того „законодательства о евреяхъ“, въ которомъ несомнѣнно кроется центръ тяжести пресловутаго современнаго „еврейскаго вопроса“ въ современной Россіи.

Въ тѣхъ законодательныхъ кодексахъ, которыми пользуются живущіе европейскіе народы, едва-ли не наибольшее значеніе имѣютъ статьи, опредѣляющія отношеніе закона къ пользующимся имъ гражданамъ. „Всѣ пруссаки равны передъ закономъ“, гласитъ, напримѣръ, арт. 4-й дѣйствующей прусской конституціи. Силою подобнаго принципіальнаго указанія обладаютъ у

насъ ст. ст. 47-ая и 48-ая основныхъ законовъ, изъ которыхъ первая устанавливаетъ, что „Имперія Россійская управляется на точномъ основаніи положительныхъ законовъ“ а вторая разъясняетъ, что „законы въ Имперіи дѣйствуютъ или однообразно въ общей ихъ силѣ, или съ мѣстными въ нѣкоторыхъ ихъ частяхъ измѣненіями“. Конечно, эти измѣненія касаются не только „мѣстъ“, но и лицъ, тѣ мѣста населяющихъ. Существуетъ, напр., IX томъ свода законовъ, съ точки зрѣнія котораго всѣ граждане дѣлятся на *состоянія*, надѣленныя различнымъ объемомъ правъ и отягченныя не одинаковою суммою обязанностей. Таковы *состоянія* „природныхъ обывателей“ (которые, впрочемъ, въ свою очередь раскалываются на 4 юридически не равноправныя *сословія*: дворянство, духовенство, городскіе и сельскіе обыватели), „иностранцевъ“ и „инородцевъ“, къ числу которыхъ закономъ отнесены: отдѣльныя мелкія инородческія племена — киргизы, калмыки, ордынцы, самоѣды и... *евреи* (ст. 762).

Занимая такимъ образомъ послѣднее мѣсто въ классификаціи разновидностей че-

ловѣческаго рода, установленной сводомъ законовъ Россійской Имперіи, евреи, естественно, подвержены и наибольшему сокращенію объема предоставленныхъ имъ по закону правъ. И здѣсь мы сталкиваемся прежде всего съ однимъ общимъ принципомъ, остроумно гласящимъ, что „евреи, состоящіе въ подданствѣ Россіи, подлежатъ общимъ законамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ не постановлено особыхъ о нихъ правилъ“ (ст. 767 т. IX). Къ сожалѣнію только, „особыя правила“ о евреяхъ „постановлены“ въ очень многихъ „случаяхъ“,—до того многихъ, что, по справедливому замѣчанію составителей одного сборника законовъ о евреяхъ, „нѣтъ ни одного тома, пожалуй—ни одного устава въ сводѣ законовъ, который не содержалъ бы упоминанія о евреяхъ. Каждое такое упоминаніе неизмѣнно несетъ съ собою какое-нибудь ограниченіе въ сферѣ личныхъ, имущественныхъ, публичныхъ правъ евреевъ. Въ теченіе многихъ уже десятилѣтій чуть ли не ежедневно издаются новые и новые законы, все болѣе суживающіе и безъ того замкнутую область примѣненія евреями своихъ силъ, знаній,

способностей“ [1]). Эти, испытанныя исторіей силы, знанія и способности живого и живучаго еврейскаго народа сдавлены, какъ желѣзнымъ кольцомъ, тѣмъ законодательствомъ, которое поражаетъ прежде всего самое элементарное и дорогое благо человѣческой личности—ея право свободнаго жительства и передвиженія въ предѣлахъ территоріи страны. Въ этомъ отношеніи мы снова сталкиваемся съ своеобразнымъ общимъ принципомъ. Его одного совершенно достаточно для того, чтобы въ настоящій моментъ, въ началѣ XX столѣтія, и на порогѣ свободнаго правового порядка заклеймить всей силой моральнаго осужденія это ужасное, безпримѣрное для сколько нибудь культурнаго государства, ограничительное и исключительное „законодательство“ о цѣломъ многомилліонномъ народѣ. Въ то время, какъ для категоріи природныхъ обывателей, безъ различія сословій и состоянія, право повсемѣстнаго жительства и занятія промыслами установлено безъ всякихъ изъятій, съ допущеніемъ лишь ограниченій либо по суду за

[1]) *І. В. Гессенъ и В. Фридштейнъ.* Сборникъ законовъ о евреяхъ. Спб. 1904, стр. VII.

совершенныя преступленія (ст. 48 — 49 улож. о нак.), либо по соображеніямъ политическаго свойства (ст. 1, 16, 32 уст. о пред. и прес. прест.),—въ отношеніи евреевъ законодательство держится иныхъ обратныхъ принциповъ. Уже по закону, нашедшему себѣ пріютъ въ уставѣ о паспортахъ, для постояннаго жительства *всѣхъ* евреевъ открыта лишь часть Имперіи, состоящая изъ 15 губерній: Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Екатеринославской, Кіевской (за исключеніемъ г. Кіева), Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Таврической (за исключеніемъ Ялты и Севастополя), Херсонской (за исключеніемъ г. Николаева), Черниговской и еще Царства Польскаго (по указу 24 мая 1864 г.). Такимъ образомъ, вся внутренняя Россія, Сибирь и Кавказъ, Средняя Азія, Область Войска Донского, отдѣльные города: Москва, Кіевъ, Николаевъ, Севастополь, Ялта изъемлются изъ „черты осѣдлости евреевъ", которая, по правильному замѣчанію г. Мыша, „сходна съ средневѣковымъ гетто. Разница между ними лишь въ отношеніи размѣровъ: гетто—это опредѣленный го-

родской кварталъ или улица, черта же осѣдлости - опредѣленная часть государственной территоріи [1])". Въ „чертѣ", однако, не совсѣмъ забыты излюбленные порядки средневѣковаго гетто: „городской кварталъ" и понынѣ играетъ серьезную роль въ жизни русскаго еврея. Быть можетъ, не всѣмъ извѣстенъ тотъ фактъ, что въ крупномъ центрѣ юго-западнаго края, г. Кіевѣ, есть улицы, гдѣ по одну сторону тротуара евреямъ (и то не всѣмъ, а лишь опредѣленнымъ категоріямъ) жить дозволено, а по другую—воспрещено. Сказаннымъ, однако, еще не опредѣляется весь кругъ законовъ, регулирующихъ „право жительства евреевъ". Такъ особыми законами предоставлено право *повсемѣстнаго жительства*: евреямъ, принявшимъ христіанство, и еврейкамъ, вышедшимъ замужъ за христіанъ, евреямъ, получившимъ высшее образованіе, дантистамъ, фармавцетамъ, акушеркамъ, отставнымъ нижнимъ чинамъ, поступившимъ на службу по рекрутскому уставу. Независимо отъ этого, помимо право *повсемѣстнаго жительства*, изобрѣ-

[1]) *М. И. Мышъ*. Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ, 2-е изд. Спб. 1898, стр. 90.

тено, опять-таки для нѣкоторыхъ категорій, еврейства, право *повсемѣстнаго пребыванія*, а именно для купцовъ 1-й гильдіи на время уплаты ими гильдейскихъ пошлинъ; для учащихся въ періодъ обученія ихъ въ опредѣленныхъ учебныхъ заведеніяхъ; для ремесленниковъ во все время занятія ихъ ремесломъ, для „ученыхъ евреевъ и раввиновъ". Съ другой стороны, „временными правилами" 3 мая 1882 года, „въ видѣ временной мѣры и до общаго пересмотра въ установленномъ порядкѣ законовъ о евреяхъ", воспрещено евреямъ даже въ предѣлахъ отмежеванной имъ черты осѣдлости вновь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ, т. е. въ селахъ, и пріобрѣтать тамъ недвижимое имущество. Хотя опять-таки, по указу, опубликованному въ августѣ 1904 года, дѣйствіе этихъ „временныхъ правилъ" отмѣняется въ отношеніи купцовъ, коммерціи и мануфактуръ-совѣтниковъ, окончившихъ высшія учебныя заведенія, отставныхъ нижнихъ чиновъ и ремесленниковъ, но и это только „временно", „впредь до общаго пересмотра законодательства о евреяхъ", и притомъ, какъ сказано въ новомъ законѣ, „дѣйствіе

настоящихъ правилъ не распространяется на такія мѣстности Имперіи, въ коихъ относительно евреевъ установлены особыя ограничительныя права". Но гдѣ-же эти „особыя ограничительныя права" для евреевъ не установлены? Мы видѣли выше, какъ много такихъ отдѣльныхъ мѣстностей.

Въ мою задачу не входитъ сколько-нибудь исчерпывающій анализъ всѣхъ тонкихъ, эластичныхъ и до-нельзя растянутыхъ рамокъ и перегородокъ, которыми по волѣ свода законовъ Россійской Имперіи вдоль и поперекъ изсѣчена подневольная жизнь многомилліоннаго еврейскаго народа. Постараемся лучше схватить основныя черты и опредѣляющіе мотивы этого небывалаго законодательства, въ которое вложено столько силы бюрократическаго ума вплоть до злѣйшей иронiи надъ честью и достоинствомъ огромнаго количества подданныхъ современнаго государства...

Первое, что бросается въ глаза при мимолетномъ даже обозрѣніи „временнаго" законодательства о евреяхъ, это крайне неравномѣрное регулированіе закономъ отдѣльныхъ группъ еврейскаго населенія.

Можно, конечно, только радоваться, что хотя бы отдѣльныя группы еврейскаго народа изъяты изъ-подъ дѣйствія наиболѣе тяжелыхъ условій существованія. Но насколько существенно такое „облегченіе“ участи евреевъ, и не кроется-ли здѣсь другая, болѣе опасная сторона дѣла? Посмотримъ для этого, въ какую сторону направлены эти мелкія заплаты на фонѣ общаго безправія еврейскаго народа? Мы можемъ, конечно, оставить въ сторонѣ немногочисленные классы населенія, вродѣ раввиновъ, ученыхъ евреевъ, рекрутовъ и т. д.; мы можемъ также почти игнорировать надѣленныхъ нѣкоторыми правами лицъ интеллигентныхъ профессій, кругъ которыхъ все болѣе и болѣе сокращается силою того-же бюрократическаго законодательства, закрывающаго наглухо двери учебныхъ заведеній передъ еврейскимъ юношествомъ. Остаются въ числѣ „привиллегированнаго“ (въ отношеніи права жительства) еврейства, съ одной стороны, купечество, съ другой—дѣйствительно, обширный классъ ремесленниковъ. Но въ отношеніи послѣднихъ давно указана ничтожность получившихся на практикѣ въ

ихъ пользу результатовъ. Внѣ черты осѣдлости законъ разрѣшаетъ евреямъ—ремесленникамъ лишь временное пребываніе по паспортамъ, но не разрѣшаетъ имъ здѣсь приписки къ мѣстнымъ обществамъ. При малѣйшей задержкѣ въ высылкѣ паспорта такой ремесленникъ лишается права жительства внѣ черты и снова обрекается на всѣ лишенія гонимаго безправнаго существа. Прибавимъ къ этому всю шаткость существованія семьи подобнаго ремесленника, взвѣсимъ всю трудность его пребыванія внѣ черты, вдали отъ единовѣрцевъ, которые могли бы быть наиболѣе близкими къ нему потребителями его товара, и мы легко поймемъ заключеніе изслѣдователей, что „количество евреевъ-ремесленниковъ, которое направило свои стопы во внутреннія губерніи для приложенія тамъ своихъ трудовыхъ силъ, оказалось сравнительно небольшимъ“ [1]). А если исключить и ремесленниковъ, то изъ числа лицъ, прикованныхъ къ чертѣ, окажется только одно исключеніе—немногочисленный классъ ку-

[1]) Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи. Изд. евр. колон. общ. Спб. 1904 г. т. I, стр. 369.

печества 1-й гильдіи. Истинный смыслъ этихъ фактовъ тотъ, что дѣйствующее исключительное законодательство о евреяхъ не поражаетъ въ равной мѣрѣ всѣхъ слоевъ еврейскаго населенія. Наоборотъ, оно расчленяетъ евреевъ на отдѣльныя, по юридическому очертанію, группы и подгруппы населенія, надѣленныя неодинаковою суммою публичныхъ и гражданскихъ правъ. При этомъ, касаясь въ меньшей степени имущихъ и торгово-промышленныхъ классовъ, законодательство это всей непосильной тяжестью своей обрушивается на тѣ народныя массы, на ту еврейскую нищету, быт которыхъ и по сухимъ статистическимъ даннымъ, и въ живыхъ художественныхъ воплощеніяхъ рисуется передъ нами въ самыхъ мрачныхъ, ужасныхъ краскахъ. Перелистайте данныя по статистикѣ еврейскаго труда въ Россіи, вникните въ сильныя и рѣзкія картины еврейской жизни хотя бы Юшкевича,— впечатлѣніе получается одно и то же. Дикая, братоубійственная борьба за полуголодное существованіе, вѣчная привязанность въ качествѣ безправныхъ паріевъ къ маленькому перенаселенному мѣсту,

неимѣніе прочнаго дѣла и опредѣленныхъ занятій въ настоящемъ и отсутствіе какихъ либо надеждъ на будущее,—таковъ общій фонъ, на которомъ рисуются всѣ узоры художественныхъ бытописаній современнаго еврейскаго пролетаріата. А сухія цифры краснорѣчиво подсказываютъ, что еврейскій трудъ не находитъ себѣ сколько-нибудь широкаго примѣненія въ усовершенствованныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ съ болѣе или менѣе сносными условіями производства; что большинство еврейскихъ рабочихъ снискиваютъ нищенское пропитаніе въ отсталыхъ мануфактурныхъ и домашнихъ отрасляхъ ремесленнаго производства, требующихъ небольшого напряженія физическихъ силъ, но въ конецъ разстраивающихъ организмъ отъ чрезмѣрной работы среди гибельной санитарно-гигіенической обстановки [1]). Потоки еврейской эмиграціи, все шире развивающіеся и захватывающіе все большія народныя массы, не въ состояніи, однако, поглотить всей этой забитой бѣдноты. А са-

---

[1]) Сборн. матер. объ эк. пол. евр. въ Россіи, т. I, стр. 220—6, 242—251 и мн. др., т. II стр. 200—220 и др.

ми эмигранты далеко не всегда обрѣтаютъ за океаномъ искомое счастье. Тамъ, на чужбинѣ, среди чуждыхъ условій труда и общественной жизни, вдали отъ родныхъ и знакомыхъ, подъ давленіемъ непосильной иностранной конкурренціи, они вынуждены продавать за безцѣнокъ свою трудовую силу, наполняя кадры того Lumpen-Proletariat'a, который подъ гнетомъ „потогонной" системы выжимаетъ изъ себя послѣдніе соки въ безсильной борьбѣ съ пышнымъ расцвѣтомъ капиталистической культуры... [1]).

Таковы цифры и факты, таковы безстрастныя описанія еврейской народной жизни. Холодомъ ужаса вѣетъ отъ этихъ неприглядныхъ картинъ, и не только на еврея, но и на всѣхъ тѣхъ, въ комъ отъ привычныхъ бюрократическихъ устоевъ, среди вѣчныхъ гоненій и безпричинныхъ преслѣдованій, еще не помутился разумъ, не заглохло чувство, не погибла совѣсть...

Но сказаннымъ не исчерпывается вся глу-

---

[1]) См. объ этомъ, между прочимъ, у Georg Halpern. Die judischen Arbeiter in London. Stuttgart und Berlin. 1903, стр. 38–65. Это одно изъ оптимистическихъ описаній условій еврейскаго труда за-границей.

бина внутренняго содержанія пресловутаго законодательства о евреяхъ...

Историки еврейства свидѣтельствуютъ, что издавна на Руси евреи стали прикрѣпляться къ своимъ мѣстамъ въ порядкѣ управленія, административномъ порядкѣ [1]). Это послужило прототипомъ будущаго устройства еврейскаго быта, который регулируется въ значительной степени не прочною силою постояннаго, хотя бы и дурного закона, а быстро переходящими и вѣчно мѣняющимися циркулярами и отношеніями, въ лучшемъ случаѣ — тѣми „временными правилами", которыя ждутъ-не-дождутся „общаго пересмотра законодательства о евреяхъ". На практикѣ такое положеніе вещей создаетъ крайнюю зависимость еврейскихъ массъ отъ „органовъ управленія", или—вѣрнѣе — отъ тѣхъ чиновъ высшей и низшей администраціи, которые, въ конечномъ счетѣ безконтрольно проявляютъ присвоенную по закону власть въ подчиненномъ имъ еврейскомъ царствѣ. И если описанныя выше объективныя стѣсненія создаютъ явленія нищеты и

---

[1]) *А. Д. Градовскій*, „Отношенія къ евреямъ въ старой и современной Руси". Спб. 1893 г., стр. 22—3.

гнета, то въ указанной только что подчиненности органамъ администраціи кроется едва ли не болѣе зловредный источникъ внутренняго моральнаго разложенія. Гнетъ административнаго произвола, царство безконтрольнаго усмотрѣнія вызываютъ, съ одной стороны, явленія фальшивой угодливости и рабской подчиненности, а съ другой— ту близость населенія къ власти, которая покоится не на желанномъ взаимномъ довѣріи, а совсѣмъ на другихъ основаніяхъ... Реальныя наблюденія ясно свидѣтельствуютъ, какую порчу нравовъ вноситъ въ среду администраціи это специфическое законодательство „черты". Въ непоколебимой цѣльности сохранилась здѣсь система „кормленія", при которой несчастный Израиль является вѣчнымъ и неизсякаемымъ источникомъ для ненасытныхъ аппетитовъ опекающей его администраціи. Систематическое выколачиваніе даяній отъ безправныхъ обитателей гетто, — это обычай, котораго тамъ никто ни отъ кого не скрываетъ. Ходятъ слухи, что въ этихъ мѣстахъ домовладѣльцы сдаютъ квартиры евреямъ-жильцамъ по двоякой таксѣ: „съ полиціей" или „безъ полиціи", причемъ въ первомъ случаѣ домо-

владѣлецъ, собравъ соотвѣтствующую жатву съ своихъ жильцовъ, уже отъ себя принимаетъ мѣры приближенія къ власти, во второмъ же случаѣ предоставляетъ каждаго жильца въ отдѣльности его собственнымъ попеченіямъ и личной изобрѣтательности. Не ясно ли, что, если не для вѣчно гонимыхъ евреевъ, то въ интересахъ опекающей ихъ власти существующее положеніе не можетъ быть терпимо, требуетъ немедленной и безусловной отмѣны.

Что же, однако, служитъ источникомъ этого въ равной мѣрѣ и тяжелаго и позорнаго законодательства? На чемъ покоится его истинная сила? Въ чемъ причина его возникновенія?

Отвѣты на эти вопросы легко добываются при внимательномъ разсмотрѣніи мотивовъ, легшихъ въ основу главнѣйшихъ законоположеній, регулирующихъ бытъ современнаго еврейства. Конечно нельзя указать какой-либо одной идеи, которая проникала бы все это законодательство, хронологически измѣряемое вѣками и охватывающее сумму разнородныхъ интересовъ. Мотивы вѣроисповѣдные и фискальные, соображенія политическія и экономическія — все это имѣло

свою долю вліянія въ процессѣ историческаго накопленія законовъ. Но почвой для проявленія всѣхъ этихъ мотивовъ и соображеній, источникомъ, ихъ питавшимъ, всегда былъ руководившій законодательными сферами, т. е. русской бюрократіей, взглядъ на евреевъ, какъ на чуждыхъ Россіи людей, какъ на „инородцевъ“ и пришельцевъ, существованіе и дѣятельность которыхъ могутъ быть только терпимы и лишь постольку, поскольку это не противорѣчитъ интересамъ остального „коренного“ населенія. Такъ появленіе „временныхъ“ правилъ 3-го мая мотивировались тѣмъ „что сложившіяся на мѣстахъ постояннаго жительства евреевъ отношенія послѣднихъ къ коренному населенію не могутъ почитаться нормальными“, и что необходимы были „немедленныя мѣропріятія для устраненія того положенія, до котораго достигъ еврейскій вопросъ“, въ виду чего и потребовались „временныя мѣры, которыя, не измѣняя въ существѣ и безповоротно дѣйствующихъ нынѣ объ евреяхъ постановленій, могли бы устранить главнѣйшіе изъ поводовъ къ столкновеніямъ между евреями и кореннымъ населеніемъ“ [1]). Мы знаемъ

[1]) Рѣш. общ. собр. сен. 1888 г., № 25.

уже, что такой „временною мѣрою“ послужило „устраненіе самихъ евреевъ изъ тѣхъ „мѣстъ“, на которыхъ возникъ „еврейскій вопросъ“, и гдѣ отношенія евреевъ къ „коренному населенію“ не могли „почитаться нормальными“. Можно-ли идти дальше въ ничѣмъ неприкрываемомъ грубо-утилитарномъ взглядѣ на евреевъ, какъ на простое орудіе для благополучія другихъ слоевъ населенія.—И это далеко не единственный примѣръ. Даже въ указѣ 12-го декабря, гдѣ въ п. 6-мъ начертано „душевное желаніе хранить освященную основными законами Имперіи терпимость въ дѣлахъ вѣры“, п. 7-мъ предлагается „произвести пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ съ тѣмъ, чтобы изъ числа сихъ постановленій впредь сохранены были лишь тѣ, которыя вызываются насущными интересами государства и явною пользою русскаго народа“. И такъ—всегда, на протяженіи всей исторіи русскаго законодательства о евреяхъ. Евреи—инородцы, пришельцы, интересы которыхъ должны трактоваться не сами по себѣ, не какъ самостоятельная культурно-государственная цѣнность, а

лишь съ точки зрѣнія потребностей „коренного“ населенія. Получается опредѣленный, грубо-утилитарный масштабъ, гдѣ различныя группы населенія распредѣляются въ отношеніи цѣли и средства. Цѣль—коренное населеніе, средство—инородцы, пришельцы. Можно, однако, опустившись въ низины того-же утилитарнаго взгляда, спросить: въ какой мѣрѣ законно утвержденіе о „пришломъ“ характерѣ еврейскаго населенія въ Россіи? Мы располагаемъ безспорными историческими данными для опроверженія самой фактической основы подобнаго утвержденія. Изъ массы сохранившихся на греческомъ и еврейскомъ языкахъ надгробныхъ и иныхъ надписей, хранящихся въ Императорскомъ эрмитажѣ и другихъ музеяхъ, неопровержимо явствуетъ, что въ Крыму евреи жили, начиная съ 80-го года по Р. Хр. [1]). Данныя Ипатьевской и другихъ лѣтописей говорятъ о пребываніи евреевъ на Руси уже въ XI вѣкѣ [2]). Въ той-же Ипатьевской

---

[1]) Регесты и надписи. Сводъ матеріяловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 г.—1800). Томъ I, Спб., 1899 г., стр. 3—34.

[2]) Ibidem, стр. 54.

лѣтописи мы подъ 1113 г. встрѣчаемъ слѣдующую любопытную запись. Послѣ смерти Святополка II кіевляне призвали на великокняжескій столъ Владиміра Мономаха; но такъ какъ онъ медлилъ согласіемъ, то въ Кіевѣ произошли волненія. И „Кіяне же разграбиша дворъ путятинъ тысячьского, идоша на жиды и разграбиша я“ [1]). Въ сухихъ, безстрастныхъ писаніяхъ русскихъ лѣтописцевъ мы, такимъ образомъ, почерпаемъ безспорныя данныя, убѣждающія, что евреи не только изстари живутъ на Руси, но и издавна претерпѣваютъ однообразную, какъ смѣна дня и ночи, исторію національныхъ гоненій. Владиміръ Мономахъ медлилъ сѣсть на великокняжескій столъ, и тогда недовольные кіевляне... „идоша на жиды и разграбиша я“...!? Не такъ ли и теперь евреевъ грабятъ и убиваютъ и за то, что они употребляютъ христіанскую кровь (чему г.г. Шмаковъ и К°. давно представили неопровержимыя доказательства), и за то, что они являются единственными эксплоататорами трудящагося люда, и за то, что, въ ка-

[1]) Ibidem, стр. 59.

чествѣ „демократовъ“, они выступаютъ главными зачинщиками въ борьбѣ противъ эксплоатаціи трудящихся массъ. Бьютъ по всякому поводу и даже безъ всякаго повода, бьютъ не за что-нибудь, а лишь потому, что, при установившемся бюрократическомъ укладѣ жизни, евреи составляютъ линію наименьшаго сопротивленія для проявленія накопившейся въ нѣдрахъ тягостной народной жизни энергіи, горя и негодованія...

Можно, далѣе, все еще не сходя съ той же утилитарной точки зрѣнія, спросить: правильна ли, цѣлесообразна ли, разумна и нравственна ли та государственная политика, которая, въ интересахъ якобы коренного населенія, закрываетъ предъ тысячами способныхъ молодыхъ людей двери учебныхъ заведеній и тѣмъ лишаетъ страну запаса столь нужныхъ ей обильныхъ культурныхъ силъ, изгоняетъ тысячи гражданъ изъ сферы общеполезныхъ занятій и общественныхъ должностей, столь нуждающихся у насъ въ трудоспособныхъ людяхъ; искусственно задерживаетъ и насильственно сгоняетъ милліоны людей въ перенаселенныя клѣтки, подрывая хозяйственныя силы и этого населенія, и этихъ мѣстностей; нако-

нецъ, столь же искусственно доводитъ до болѣе или менѣе сноснаго существованія торговые, капиталистическіе классы населенія, повергая въ безысходную нужду подлинныя народныя массы, трудящійся пролетаріатъ, голь перекатную?..

Много такихъ вопросовъ можно предложить въ цѣляхъ провѣрки степени правильности приведенной утилитарной точки зрѣнія, утвердившейся въ бюрократической политикѣ по еврейскому вопросу, но довольно! Пора заявить, что самая эта точка зрѣнія и вообще, и въ данной области въ особенности, представляется въ корнѣ ошибочной, скажемъ прямо недопустимой. Мы полагаемъ, что и интересы общежитія, и требованія элементарной человѣческой справедливости побуждаютъ проникнуться инымъ взглядомъ на форму и способы регулированія быта населяющихъ Россію народностей. Необходимо, наконецъ, усвоить ту азбучную истину современной философской мысли, что человѣкъ, живая человѣческая личность должны быть разсматриваемы, какъ самостоятельное существо, какъ самодовлѣющая цѣль, а не какъ безформенное средство или механическое орудіе для внѣ

ея лежащей цѣли другихъ лицъ, другихъ частей населенія. Человѣческая личность это—конечная цѣль, это—высшая святыня, права которой безспорны, нерушимы и недѣлимы. Евреи—люди и, какъ таковые, наравнѣ со всѣми прочими живыми людьми и гражданами безправнаго, но все же существующаго, государства обладаютъ неотъемлемымъ правомъ на огражденіе ихъ собственныхъ интересовъ, а не только на то, чтобы ихъ интересы приносились въ жертву на алтарь „пользы“ и „нуждъ“ другихъ частей населенія. Только такая точка зрѣнія логически законна, психологически допустима, морально пріемлема. Всѣ другіе взгляды и мѣрила должны быть отвергнуты, какъ противорѣчащіе здравому смыслу, претящіе нравственному чувству, создающіе рознь и сѣющіе смуту.

Эта мысль была прекрасно выражена въ недавно опубликованномъ „заявленіи еврейскихъ гражданъ“, подписанномъ 6000 лицъ, гдѣ, между прочимъ, говорится: [1]).

„Мы ждемъ равноправія. И не во имя того мы его ждемъ, что евреи при достиженіи его принесутъ остальному населенію пользу или будутъ

[1]) „Право“ 1905 г., № 9.

способствовать укрѣпленію чьего либо благосостоянія, и не въ благодарность за то мы желаемъ его, что наши братья проливаютъ кровь на поляхъ Манчжуріи, какъ они проливали ее и въ предшествовавшихъ войнахъ; и даже не на томъ основаніи мы его требуемъ, что можемъ выставить историческія доказательства своей многовѣковой жизни на территоріяхъ, входящихъ въ составъ государства россійскаго. Мы требуемъ равноправности и равноподчиненности общимъ законамъ, какъ люди, въ которыхъ, несмотря ни на что, живо чувство собственнаго достоинства, какъ сознательные граждане современнаго государства. Мы требуемъ уничтоженія тяготѣющихъ надъ нами ограниченій во имя основъ культурнаго правопорядка. Мы ждемъ уравненія насъ въ правахъ съ русскимъ народомъ; наравнѣ и вмѣстѣ со всѣми народами Россіи мы и будемъ устраивать свою судьбу, свободно развивая свои силы на благо государства и человѣчества.

И не какъ дѣла милости или великодушія мы его ждемъ и даже не только, какъ дѣла политическаго расчета, но какъ дѣла чести и справедливости".

И пусть это заявленіе 6000 еврейскихъ гражданъ, подъ которымъ не трудно было собрать и во сто разъ бо́льшее количество подписей, не покажется инымъ звучащимъ какъ сепаратное мнѣніе, какъ рѣзкій диссонансъ въ хорѣ стройныхъ голосовъ мо-

лодой, возрождающейся Россіи. Не стоитъ труда доказать, что изложенное въ заявленіи дѣло чести и справедливости еврейскаго народа находится въ счастливой и полной гармоніи съ правильно понятыми „насущными интересами государства и явною пользою русскаго народа". Надобно только помнить, что „интересы государствъ" не совпадаютъ съ вожделѣніями бюрократическихъ сферъ, а „польза русскаго народа" можетъ быть познана и провозглашена только путемъ проявленія свободной воли дѣйствительныхъ народныхъ представителей.

Мы видимъ, что уже въ самой постановкѣ еврейскаго вопроса чуется приближеніе къ вопросу общему, общерусскому. И дѣйствительно, къ счастью и утѣшенію своему, евреи могутъ сказать, что желательное рѣшеніе современнаго еврейскаго вопроса въ Россіи не виситъ въ воздухѣ, не лежитъ въ сторонѣ отъ большой дороги русской политической жизни, а находится по линіи тѣхъ политическихъ требованій, которыя ярко и опредѣленно начертаны на знамени современнаго освободительнаго движенія. И только, если съ этой единственно правильной, — скажу болѣе, единственно возможной—точки

зрѣнія взглянуть на существо и содержаніе „еврейскаго вопроса“, то легко будетъ убѣдиться, что нѣтъ противорѣчія и даже противоположности между нимъ, съ одной стороны, и „насущными интересами государства и явной пользой русскаго народа“ — съ другой стороны.

Будемъ откровенны. Взглянемъ прямо, честно и открыто въ лицо кричащимъ фактамъ окружающей дѣйствительности. Среди тысячелѣтнихъ горестныхъ скитаній всюду гонимый, подневольный и угнетенный еврейскій народъ сохранилъ свою цѣлость, свою, такъ сказать, физическую самостоятельность. Ученый изслѣдователь еврейства *Д. Хвольсонъ* по этому поводу говоритъ: „Евреи представляютъ собою одинъ изъ наиболѣе характерныхъ и обособленныхъ антропологическихъ типовъ, удерживающій вѣками свои особенности, не смотря на различіе географическихъ и другихъ условій, при которыхъ ему приходилось и приходится существовать въ разныхъ частяхъ свѣта. Составляя одно изъ подраздѣленій типа семитическаго, еврейскій типъ выдѣлился, однако, уже въ глубокой древности, какъ то доказываютъ изображенія евреевъ на египетскихъ и асси-

рійскихъ монументахъ, легко отличаемыя отъ изображенія другихъ азіатскихъ и африканскихъ племенъ. Упроченію типа евреевъ содѣйствовало ихъ обособленіе, избѣганіе кровнаго смѣшенія съ сосѣдними народами и слабое проявленіе духа прозелитизма [1]). Это упроченіе антропологическаго типа шло рука объ руку съ самостоятельностью, такъ сказать, психологическою, съ сохраненіемъ вѣры въ себя, въ свое лучшее будущее. Жестокая борьба за существованіе, еще болѣе тяжелыя нравственныя пытки, ежедневныя и ежеминутныя тревожныя думы, вѣчныя мучительныя исканія не сломили желѣзной энергіи еврейскаго народа, не погасили въ немъ духа народнаго самосознанія, не погасили взлелѣянныхъ тысячелѣтіями идеаловъ. То же происходитъ спеціально въ Россіи въ теченіе послѣдняго переживаемаго періода. Все усиливающійся гнетъ, растущія преслѣдованія лишь обострили и вызвали къ дѣятельному проявленію всегда дремлющій въ народѣ инстинктъ самосохраненія. Въ бурливомъ морѣ суро-

---

[1]) *Д. Хвольсонъ.* Евреи, см. въ энциклопедич. словарѣ Брокгауза и Ефрона.

ваго режима Плеве, наложившаго свою тяжелую руку на всѣ творческія силы русскаго народа, покачнулся — быть можетъ, въ послѣдній разъ — и давно установленный „временными“ жестокостями быть русскаго еврейства. Холодными брызгами этой мутной политики ударило въ лицо наиболѣе загнанной части населенія, но ударъ вышелъ слишкомъ чувствительнымъ, и онъ заставилъ очнуться даже наиболѣе умѣренныхъ, даже тѣхъ, которые, среди всѣхъ испытаній многострадальной жизни, продолжали пребывать въ полусознательной дремотѣ рабскихъ ожиданій. Но тутъ проснулись сразу и евреи, и не евреи. Грубо, явно для всѣхъ организованныя Варѳоломеевскія ночи властно требовали общественнаго вмѣшательства. И оно явилось со всѣхъ сторонъ. Стоны невинно замученныхъ кишиневскихъ жертвъ огласили воздухъ всей Россіи и донеслись до ушей всего цивилизованнаго міра. Крикъ изумленія и ропотъ негодованія были всеобщимъ отвѣтомъ на этотъ страшный экспериментъ въ области искуственно-создаваемаго человѣконенавистничества.

Результаты получились во всѣхъ отно-

шеніяхъ поучительные. Европа негодовала. Русское общество встрепенулось, весь ужасъ „еврейскаго вопроса“, выросшаго на его глазахъ изъ основныхъ нѣдръ обще-русской жизни, предсталъ передъ нимъ въ очевидной, оголенной формѣ. Стѣны взлелѣяннаго направленіемъ бюрократическаго законодательства общественнаго антисемитизма готовы рухнуть, симпатіи къ гонимому племени замѣтно возрастаютъ, наступаетъ болѣе тѣсное сближеніе, создано большее взаимное пониманіе... Отдѣльныя лучшія силы русскаго общества пошли въ еврейскую среду, туда понесли свою посильную помощь, тамъ познали истинныя нужды еврейскаго народа, извѣдали его тяжелое горе, его страшныя страданія. Еще въ большей мѣрѣ всколыхнулась сама еврейская масса. Кишиневскій пожаръ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, соединились всѣ лучи стараго гнетущаго режима, яркимъ заревомъ своимъ освѣтилъ всѣ углы еврейской жизни, всѣ закоулки еврейскаго народнаго самосознанія. Въ евреяхъ проснулось долго дремавшее чувство собственнаго достоинства. Вѣками гоненія воспитанная рабская психологія смѣнилась полной отча-

нія рѣшимостью, вѣрою въ свои силы, надеждою на самозащиту.

Евреевъ душила злоба, мозгъ сверлилъ вопросъ: что же дѣлать? какъ защитить себя, своихъ дѣтей, свое достояніе отъ простого, грубаго физическаго насилія, отъ опасности неминуемой и постыдной смерти. Гомель скоро послужилъ отвѣтомъ, даннымъ еврейскимъ народомъ на эти тревожные вопросы его собственной жизни, его, въ одно и тоже время, шкурныхъ, и моральныхъ интересовъ. Правда, уже при первыхъ раскатахъ освободительнаго движенія въ залѣ публичнаго засѣданія, открытіе дверей котораго было рѣшено еще при Плеве, Шмаковъ съ компаніей, въ отсутствіи удаленныхъ защитниковъ евреевъ, безцеремонно заканчивалъ комедію бюрократическаго правосудія, по буквѣ стараго завѣщанія, долженствовавшаго превратить борцовъ за правду и народное дѣло въ грабителей и насильниковъ... Но общество на этотъ разъ понимало, въ чемъ дѣло, а евреи и подавно.

Да, несчастья научили евреевъ многому. А подоспѣвшія новыя явленія русской жизни окончательно додѣлали свое жестокое,

но нужное дѣло. Въ сущности, евреи, пожалуй, никогда на протяженіи русской исторіи, не находились еще въ положеніи болѣе центральномъ, чѣмъ теперь. Въ самомъ дѣлѣ, темный рядъ черныхъ сотенъ — это новое порожденіе старой политики разъединенія и провокаціи, — надвигается на евреевъ, интеллигенцію, студентовъ. Нужны ли лучшія, болѣе краснорѣчивыя доказательства подлиннаго источника погромовъ, бюрократическихъ гоненій на евреевъ. Но одни и тѣ же причины вызываютъ и одинаковыя послѣдствія. А особыя условія и большее напряженіе событій только увеличиваютъ энергію настроенія. Результаты понятны. Если во всѣхъ рѣшительно слояхъ русскаго населенія глубоко разлито недовольство существующимъ строемъ, то на общемъ фонѣ этой безотрадной картины настроеніе евреевъ выдѣляется особенно мрачными красками. Оно и понятно. Экономическое разстройство, политическое безправіе, національный гнетъ, отсутствіе элементарныхъ требованій человѣческой свободы здѣсь усиливается давленіемъ безпримѣрнаго безправія въ обширной области простыхъ общечеловѣческихъ гражданскихъ

правъ. Недовольство, выражающееся на этой почвѣ—сильнѣе, интенсивнѣе, глубже всѣхъ подобныхъ проявленій неудовлетворенности человѣческаго духа. Познаніе источника экономическаго, политическаго, національнаго зла—затруднительнѣе для ума простого, неразвитаго человѣка. Къ оцѣнкѣ явленій этого рода примѣшивается сложный, глубокій слой установившихся отношеній, порождающихъ и разницу міровоззрѣній не только отдѣльныхъ лицъ, но и соотвѣтствующихъ группъ населенія. Неравенство же въ области гражданскихъ правъ по самому существу своему представляетъ явленіе простое, элементарное, безспорное. Въ процессѣ повседневной борьбы, тяжкой и унизительной, за свое „право жить"—только жить!—и самый некультурный еврей невольно и стихійно сталкивается съ проблемой власти, ея границъ и ея законныхъ предѣловъ. Въ области соціально-экономическихъ отношеній недовольство страждущихъ классовъ населенія часто находитъ свой объектъ въ лицѣ представителей другихъ группъ—такихъ же гражданъ общаго государства. Еврей же, наоборотъ, видитъ своего непосредственнаго врага въ пред-

ставителяхъ той бюрократической власти, которая суживаетъ его существованіе, связываетъ развитіе его физическихъ и духовныхъ силъ, давитъ на его личность всей силою безконтрольнаго произвола. Вотъ почему устанавливаемый безспорными статистическими данными фактъ ничтожнаго участія евреевъ въ отрасляхъ фабрично-заводской промышленности, концентрирующей на почвѣ экономической борьбы боевыя силы революціоннаго пролетаріата, — этотъ фактъ вполнѣ уживается съ несомнѣнно широкимъ участіемъ тѣхъ же евреевъ въ аналогичныхъ кадрахъ. Это наблюденіе до сихъ поръ играетъ роль грознаго оружія противъ евреевъ въ арсеналѣ противниковъ расширенія правъ еврейскаго народа: развѣ можно „одарять“ тѣхъ, кто является не другомъ, а врагомъ существующаго порядка вещей. Не мало силъ и усердія, достойнаго лучшей участи, было потрачено самими евреями на отпариваніе этого, какъ нѣкоторымъ казалось, сильнаго удара. Но то было давно, въ то доисторическое для еврейскаго вопроса время, когда мы еще не знали Кишинева, не понимали Гомеля, не чувствовали дыханія но-

вой, освобождающейся Россіи. Теперь евреи, наконецъ, сознали свое право на существованіе; они знаютъ, что гнетъ порождаетъ недовольство, преслѣдованіе вызываетъ ропотъ и протестъ, удары требуютъ отпора. И чѣмъ больше гнета, чѣмъ хуже преслѣдованіе, чѣмъ рѣзче удары,—тѣмъ сильнѣе клокочетъ человѣческая душа, тѣмъ сильнѣе рвется наружу ея встревоженный голосъ, тѣмъ быстрѣе движутся къ дѣлу затронутыя силы...

Выводъ отсюда ясенъ, какъ божій день, безспоренъ, какъ математическая аксіома. Нервы еврейской жизни напряжены до крайности, мракъ, сгустившійся надъ еврейскимъ народомъ непреходимо великъ. Положеніе стало ужасающе невыносимымъ. Оно требуетъ немедленнаго · абсолютнаго, коренного переустройства. Вѣками гоненія искуственно привитыя еврейскому народному организму, язвы должны подвергнуться радикальному врачеванію.

При этомъ никакія бюрократическія отписки на предметъ „расширенія“ правъ евреевъ, никакія новыя, „временныя“ правила „впредь до полнаго пересмотра существующихъ узаконеній“, никакія пере-

дачи во вновь созданныя „комиссіи“ для повторнаго „обсужденія“, никакія мелкія исправленія и частичныя заплаты дѣлу не помогутъ. Это не отвѣчаетъ современному состоянію народнаго самосознанія. И еврейскій народъ на это теперь не пойдетъ. Порабощенный и измученный, оскорбленный и поруганный, но полный, наравнѣ со всѣми русскими гражданами, вѣры въ свѣтлое будущее общей родины, еврейскій народъ по всей справедливости ждетъ только одного: полнаго своего раскрѣпощенія, полнаго уравненія въ правахъ съ прочимъ населеніемъ. „Ограниченіе правъ,—говоритъ Б. П. Чичеринъ, — есть нѣкотораго рода наказаніе; если я убѣдился, что человѣка не за что наказывать, то какая для этого нужна постепенность?“ А въ томъ же заявленіи 6000 еврейскихъ гражданъ по этому поводу сказано: „Мы заявляемъ что считаемъ безплодной всякую попытку удовлетворить и успокоить еврейское населеніе какими-либо частичными улучшеніями. Мы заявляемъ, что считаемъ несостоятельной всякую политику постепеннаго устраненія тяготѣющихъ надъ нами ограниченій. Не признавая права давности

за преслѣдованіемъ народа, мы не считаемъ, чтобы продолжительность предшествовавшаго угнетенія давала основаніе для постепеннаго освобожденія отъ него. То, чего мы хотимъ, не представляетъ суммы льготъ и не можетъ быть распредѣлено на порціи. Не объ облегченіи нашего существованія идетъ рѣчь,—облегченіе можетъ быть большимъ или меньшимъ,—рѣчь идетъ о равноправности, а равноправность недѣлима“ [1]).

И требуя этого, въ составѣ всѣхъ силъ народа, старыхъ и малыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, интеллигентныхъ и невѣжественныхъ, евреи въ настоящій моментъ, больше чѣмъ когда либо, сознаютъ и чувствуютъ, что они не одни, что дѣло ихъ не фикція, что таковы именно, „насущные интересы государства“ и „явная польза русскаго народа“. Въ странѣ, гдѣ гордо выкинуто знамя политической свободы, гдѣ лучшіе слои народа, цѣною жизни и смерти, каждодневно и каждочасно, на всѣхъ перекресткахъ вопіютъ о *равенствѣ всѣхъ передъ закономъ*,— будетъ-ли терпимъ такой порядокъ, при которомъ огромная, шестимилліонная масса

---

[1]) „Право“, ibidem

гражданъ ограничена въ правѣ передвиженія, правѣ жить, гдѣ за ними, очевидно, признается только одно право,—право умереть голодной смертью. Теперь спорятъ по поводу отдѣльныхъ вопросовъ, толкуютъ про детали: о границахъ народовластія, объ избирательныхъ системахъ и т. д.,—но при всѣхъ этихъ толкахъ и спорахъ одно остается неизмѣннымъ—это требованіе равенства всѣхъ передъ закономъ. Это, именно это положеніе не возбуждаетъ сомнѣній, не вызываетъ споровъ, не подвергается толкованіямъ. Но если такъ, и если, очевидно, евреи,—шесть милліоновъ евреевъ,—не могутъ быть вычеркнуты изъ списка тѣхъ „всѣхъ", для которыхъ законъ долженъ быть „равенъ", то не ясно ли, что пробилъ часъ освобожденія еврейскаго народа изъ-подъ гнета существующаго безправія.

Это безправіе, это отсутствіе простыхъ гражданскихъ правъ составляетъ очевидное нарушеніе тѣхъ прирожденныхъ правъ человѣка и гражданина, которыя составляютъ хронологическую и логическую *предпосылку* политической свободы. Какъ неприкосновенность личности и жилища, какъ свобода

слова и печати, собраній и союзовъ,—равенство всѣхъ предъ закономъ должно быть воздвигнуто, какъ подготовительная ступень къ святому храму истинной свободы. Только тамъ, гдѣ граждане могутъ свободно передвигаться по территоріи, безпрепятственно проникать во всѣ сферы хозяйственной дѣятельности и общественной жизни,—только тамъ мыслимо, дѣйствительно, свободное проявленіе политической воли народа, свободное избраніе имъ своихъ народныхъ представителей. Вотъ почему утвержденіе равенства всѣхъ передъ закономъ, а, слѣдовательно, и уравненіе евреевъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ мыслится нами не только, какъ логическій выводъ изъ понятія политической свободы, но и какъ логическая ея предпосылка, какъ хронологически предшествующій ей фактъ. И что этотъ фактъ воплотится въ жизнь, тому порукою служитъ состояніе общественныхъ силъ Россіи, дружная работа всего русскаго народа на благо страны, на пользу прогресса.

А тамъ, когда водрузится знамя истинной политической свободы, настанетъ время для спокойнаго разрѣшенія вопросовъ

національно-культурнаго самоопредѣленія всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію, въ томъ числѣ и народа еврейскаго. Многихъ и до сихъ поръ продолжаетъ пугать этотъ мнимый призракъ національной свободы. Въ словахъ „національное право" многимъ до сихъ поръ чуется символъ взаимной непріязни, внутренней розни, шовинистическихъ стремленій. Многіе въ этомъ именно видятъ оправданіе для національныхъ гоненій, входящихъ въ программу бюрократической политики. Ошибочность такихъ взглядовъ очевидна.

Владиміръ Соловьевъ прекрасно замѣтилъ, что „исторія всѣхъ народовъ—древнихъ и новыхъ,—имѣвшихъ прямое вліяніе на судьбы человѣчества, говоритъ намъ одно и тоже. Всѣ они въ эпоху своего расцвѣта и величія полагали свое значеніе, утверждали свою народность не въ ней самой, отвлеченно взятой, а въ чемъ-то *всеобщемъ, сверхнародномъ*, во что они вѣрили, чему служили и что осуществляли въ своемъ творчествѣ—національномъ по источнику и способамъ выраженія, но вполнѣ универсальномъ по содержанію, по предметнымъ результатамъ" [1]). Ясно, націо-

[1]) *Влад. Соловьевъ*, Собраніе сочиненій, т. VII, стр. 307.

нальность— это только особая, индивидуальная *форма* для *общечеловѣческаго* содержанія. Недаромъ въ современной исторической, юридической, соціологической и философской литературѣ съ необыкновенною яркостью и полною очевидностью вскрыта та огромная культурная цѣнность, которую хранитъ въ себѣ всякая нація, всякая нормально поставленная національная жизнь.

Національность—это необходимый атрибутъ нормальной человѣческой личности, это--альфа и омега правильнаго человѣческаго существованія, залогъ ея неустаннаго физическаго роста и духовнаго совершенствованія. Въ національности, какъ въ призмѣ, преломляются всѣ индивидуальныя особенности, культурные задатки и моральные блестки живой человѣческой личности. Національность—это духовная форма, въ которую отливается вся матерія соціально-исторической жизни народа,— форма сообщающая этой жизни прелесть своеобразной культурной красоты.

Государство не должно поэтому брать на себя неблагодарную задачу вмѣшательства во внутреннюю культурную жизнь отдѣльныхъ націй, стѣснять свободу куль-

турнаго самоопредѣленія, превращать въ *вопросъ силы* то, что по существу является *вопросомъ культуры* [1]). Еллинекъ правъ, говоря, что „политика еще ближайшихъ къ намъ столѣтій, расширявшая территорію государствъ, совершенно не считаясь съ національными особенностями, сдѣлалась въ новѣйшее время въ европейскихъ государствахъ невозможной или опасной“ [2]).

Теперь приложите эти общія разсужденія къ живому циклу текущихъ событій и современныхъ столкновеній, и сразу получатся самые внушительные, самые цѣнные выводы.

Возьмемъ Россію. Ее населяютъ великороссы и малороссы, поляки и евреи, армяне и цѣлый рядъ мелкихъ народностей. Своеобразныя историческія условія выработали для каждой изъ нихъ особый путь существованія, и свои національныя особенности они чтутъ превыше всякой святыни. Слѣдуетъ ли отсюда, что наличность этихъ національныхъ особенностей препят-

---

[1]) Rud. Spinger. Der Kampf der Öesterreichischen Nationen und der Staat. Leipzig und Wien 1902. S. 26—7.

[2]) *Г. Еллинекъ*, Право современнаго государства, перев. съ нѣм. Спб. 1903, стр. 231.

ствуетъ въ какомъ-либо отношеніи существованію государственнаго цѣлаго? Нисколько. Даже наоборотъ: чѣмъ больше дружбы и довѣрія существуетъ между общей родиной и отдѣльными національностями, чѣмъ болѣе послѣднимъ предоставлено простора въ развитіи ихъ внутреннихъ національныхъ функцій, — тѣмъ менѣе поводовъ ко взаимнымъ столкновеніямъ, тѣмъ болѣе стимуловъ къ дружной и солидарной работѣ во имя общихъ цѣлей.

А попираніе національностей, попытки къ водворенію національной исключительности, стремленіе къ созданію своеобразной національной централизаціи, основанной на игнорированіи культурныхъ интересовъ цѣлыхъ группъ населенія, — это *двойная* ошибка: *объективно* — это посягательство на культурное богатство человѣчества, стремленіе уничтожить кое-что изъ запаса тѣхъ духовныхъ цѣнностей, которыми живетъ и дышетъ человѣчество; *морально* — это преступленіе противъ человѣческой личности, воплощенной въ національномъ индивидуумѣ, стремленіе къ порабощенію этой высшей святыни, права которой нерушимы и неприкосновенны.

Необходимо помнить, что Россію населяетъ масса національностей, живущихъ своей жизнью, развивающихъ черты своей духовной индивидуальности, свою культурную мощь. Дайте вотъ этимъ росткамъ возможность свободнаго развитія, и общая родина всѣхъ этихъ національностей поразитъ міръ богатствомъ своего духовнаго содержанія, пышнымъ расцвѣтомъ своей духовной культуры.

Необходимо помнить, что всякая нація, въ своемъ безпрепятственномъ развитіи, въ свободномъ проявленіи своихъ природныхъ силъ несетъ на алтарь общей культурной сокровищницы человѣчества все новые запасы индивидуальной сложности, разнообразія. А только тамъ, гдѣ пробивается индивидуальность, гдѣ накопляется сложность, гдѣ ощущается разнообразіе, — существуетъ жизнь, какъ воплощеніе полноты человѣческаго существованія.

Не забудемъ, что кредитъ космополитизма съ его идеей единой, амальгамированной въ своихъ національныхъ особенностяхъ человѣческой семьи въ настоящее время подорванъ даже среди его недавнихъ сторонниковъ. Какъ красиво сказалъ ав-

стрійскій соціалъ-демократъ Пернерстоферъ: „нашъ путь лежитъ не отъ гуманности черезъ національность къ бестіальности, а отъ бестіальности черезъ форму національности къ гуманности. Націи должны быть подобны цвѣтущему саду, въ которомъ различные цвѣты услаждаютъ взоръ".

Пусть же въ этомъ цвѣтущемъ саду созрѣютъ плоды свободной, но солидарной и дружной работы всѣхъ частей народа и государства на общую пользу и единое благо. Пусть въ немъ всѣ заросшія тропинки и отдѣльныя дороги приведутъ въ Римъ того соціальнаго счастья, котораго ждетъ и жаждетъ измученная Россія, истосковавшееся человѣчество.

Таковы наши послѣдующія перспективы.

Но и на нихъ не можетъ остановиться реальная историческая жизнь, полная культурнаго творчества и духовныхъ потенцій...

И. В. ГЕССЕНЪ.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ КОМИТЕТѢ МИНИСТРОВЪ

Еврейскій вопросъ въ комитетѣ министровъ.

Странную, можно сказать—исключительную, судьбу переживаютъ указъ сенату 12 декабря и связанныя съ нимъ работы комитета министровъ. Работы далеко еще не завершены, учрежденіе внѣвѣдомственныхъ комиссій и совѣщаній находится въ самомъ разгарѣ, а между тѣмъ они уже пережили себя, являются запоздалымъ аккордомъ законченной гаммы и, не соотвѣтствуя быстро убѣгающей впередъ жизни, имѣютъ только глубокій историческій интересъ.

Въ этомъ ничего неожиданнаго нѣтъ. Въ 1-омъ номерѣ „Права“, за 1905 г., обсуждая значеніе указа, мы отмѣчали, что онъ является могильной плитой надъ старымъ вѣкомъ, что этотъ указъ по самому своему существу является обвинительнымъ актомъ, направленнымъ противъ традиціонной систе-

мы бюрократическаго управленія; приведшей Россію къ самому краю пропасти и поставившей передъ нею роковой вопросъ: быть или не быть?

Предсказаніе наше оправдалось, какъ нельзя больше. Могильная плита вышла очень внушительной и богато разрисованной, журналы комитета министровъ, хотя бы, напр., по вопросу объ усиленной охранѣ, содержатъ такую рѣзкую критику дѣйствующей до сихъ поръ системы, что выводъ о необходимости немедленной ея замѣны, о крайней опасности ея для существованія государства напрашивается самъ собою.

Но выводы эти не были и не могли быть сдѣланы. Выяснивъ непригодность нынѣшнихъ формъ общежитія, комитетъ министровъ, переходя къ практическимъ мѣропріятіямъ, ограничивается заплатами и перекраиваніемъ, вродѣ того, что уничтожаетъ запрещеніе печатать священныя книги на малорусскомъ языкѣ, но съ тѣмъ, чтобы на каждое изданіе испрашивалось благословеніе святѣйшаго синода. А когда и принимаются какія нибудь положительныя мѣры, то, какъ бы нарочно для того, чтобы подчеркнуть ничтожность ихъ прак-

тическаго значенія, проведеніе ихъ ставится въ зависимость отъ „предоставляемой“ подлежащимъ министрамъ отмѣны противорѣчащихъ этимъ мѣрамъ административныхъ распоряженій, какъ будто они не падаютъ сами собою въ силу отмѣны закона, на которомъ они основывались. Но комитетъ министровъ хорошо понимаетъ разницу между фактическимъ и юридическимъ положеніемъ дѣлъ и потому даже „не основанныя прямо на законѣ административныя распоряженія“ признаются сохраняющими свою силу, пока губернатору не благоугодно будетъ ихъ отмѣнить. Недаромъ же идутъ уже телеграммы, что администрація отказывается примѣнять указъ о вѣротерпимости, потому что „на этотъ предметъ не поступило еще инструкцій“.

Но во всякомъ случаѣ, по всѣмъ разсмотрѣннымъ до сихъ поръ вопросамъ было какъ будто кое-что сдѣлано. Каждый журналъ комитета заканчивался резолютивной частью, въ которой имѣлись пункты, означенные и римскими и арабскими цифрами, и буквами алфавита. Тутъ и поручалось, и образовывалось, и предоставлялось, а подчасъ и прямо устранялись „излишнія

стѣсненія", несоотвѣтствующія требованіямъ закона, какъ, напр., дозволеніе розничной продажи газетъ изъ закрытыхъ помѣщеній. Такъ дѣло и подвигалось безшумно впередъ, не оказывая ни малѣйшаго вліянія на ходъ жизни. Но и эта система оказалась слишкомъ смѣлой и прямолинейной, когда дѣло дошло до, такъ называемаго, еврейскаго вопроса. Комитетъ министровъ не сомнѣвался, что онъ заслуживаетъ внимательнаго отношенія и по „особенностямъ сего вопроса", и въ виду „непрерывныхъ, въ теченіе почти двухъ столѣтій заботъ высшаго правительства о разрѣшеніи его", оказавшихся тщетными. Изъ дальнѣйшаго чтенія журнала обнаруживается, что эти „особенности" и „непрерывныя заботы" тѣсно связаны между собою, или, вѣрнѣе, что особенности, „рельефно выдѣляющія его изъ всѣхъ прочихъ задачъ государственнаго значенія", и состоятъ собственно въ тщетѣ непрерывныхъ заботъ. Въ самомъ дѣлѣ, слова: „эти особенности еврейскаго вопроса" непосредственно слѣдуютъ за такимъ сужденіемъ:

„Въ отношеніи правительства къ еврейскому вопросу не усвоено такого твердаго,

устойчиваго, руководящаго начала, которое, будучи разъ навсегда принято, проводилось бы затѣмъ уже вполнѣ послѣдовательно и ясно опредѣлило бы характеръ внутренней относительно евреевъ политики. Со временъ императрицы Екатерины II и до послѣдняго времени въ сферѣ нашего законодательства одно теченіе смѣняется другимъ, противоположнымъ, и льготные для евреевъ законы чередуются съ мѣрами ограничительными. Несмотря на обиліе разновременно собранныхъ матеріаловъ по еврейскому вопросу, не смотря на многократное и всестороннее обсужденіе его правительственными органами и многочисленными, составляющимися съ сею цѣлью особыми комиссіями и совѣщаніями, вопросъ этотъ и до настоящаго времени представляется окончательно неразработаннымъ, еще ожидаетъ разрѣшенія".

Но такія особенности намъ очень близко знакомы. Въ самомъ дѣлѣ, надоѣло уже повторять, что всѣ стороны нашей государственной и общественной жизни превратились въ вопросы, которые бюрократическій строй не только не сумѣлъ разрѣшить, но, можно сказать, безнадежно

запуталъ. Какъ бы чувствуя это, комитетъ указываетъ еще на одну особенность еврейскаго вопроса—наличность въ немъ, кромѣ государственнаго, еще общественно-расового элемента. Къ великому сожалѣнію, въ журналѣ ни однимъ словомъ не поясняется, что собственно слѣдуетъ подразумѣвать подъ этимъ выраженіемъ? Значитъ ли это, что въ расовомъ отношеніи евреи страдаютъ какими-то дефектами, мѣшающими ихъ общественному развитію, какимъ то moral insanity? На это имѣется намекъ въ указаніи журнала, что въ своихъ „непрерывныхъ заботахъ“ правительство дошло даже до того, что рѣшилось „сдѣлать изъ евреевъ не только безвредныхъ, но и полезныхъ гражданъ“. Но тутъ же это предположеніе опровергается сообщеніемъ, что евреи „проявляли (при Александрѣ II), замѣтное (но не говорится—вредное) вліяніе на общественную, торговую и промышленную сторону государственной жизни“.— Или же общественно-расовой элементъ нужно искать въ идіосинкразіи русскаго племени къ еврейскому? Можно и на это найти намеки въ упоминаніи о „возмутительныхъ погромахъ“, тѣмъ болѣе, что

ссылка дѣлается только на 80-е годы. И не потому, конечно, комитетъ министровъ не упоминаетъ о погромахъ послѣднихъ лѣтъ и дней, что не считаетъ ихъ возмутительными, а лишь потому, что со времени кишиневской кровавой бани ихъ этіологія совершенно выяснена. Но вѣдь теперь, когда 269[1] ст. улож. о нак. получила столь широкое примѣненіе по всѣмъ своимъ прилагательнымъ,—теперь ни для одного здравомыслящаго человѣка не представляется уже сомнѣній, что на евреяхъ, которые всегда составляли авангардъ мучительства, „запорожцы только люльки свои раскуривали“, по неизмѣнному закону loci minoris resistentiae.—Или, наконецъ, эти общественно-расовыя отличія—это просто мутная водица, въ которой разнаго рода и званія Суворины успѣшно ловятъ жирную рыбу?

На всѣ эти вопросы нѣтъ никакого отвѣта въ журналѣ комитета министровъ, а между тѣмъ достаточно было произнести этотъ жупелъ, что-бы рѣшиться умыть свои руки и оставить шести-милліонный народъ въ „тягостныхъ“ условіяхъ, которыя привели массу въ „крайнюю бѣдность“.

Да! какъ это не невѣроятно, но комитетъ министровъ заявляетъ, что, если бы вопросъ имѣлъ только государственную точку зрѣнія, то стѣсненія надлежало бы отбросить, ибо въ государствѣ, имѣющемъ въ своемъ составѣ гражданъ многихъ различныхъ національностей, не должно бы быть допускаемо *существеннаго* ограниченія правъ лицъ *одной только* національности.

Государственная точка допускаетъ только не существенныя ограниченія, либо, если лишать правъ, то всѣхъ сразу. Но въ виду общественно-расового элемента комитетъ министровъ потерялъ увѣренность, что уравненіе евреевъ не нарушитъ интересовъ „коренного“ населенія. И, не будучи увѣренъ въ безопасности интересовъ одной части населенія, онъ смѣло жертвуетъ элементарными интересами другой части, не смущаясь той „крайней бѣдностью“, которая сводится къ непрерывной борьбѣ между жизнью и смертью.

Будемъ, впрочемъ, справедливы къ комитету министровъ. Онъ руководствовался при этомъ еще и соображеніями пользы самихъ евреевъ. Онъ находилъ возможнымъ допустить, что уравненіе евреевъ въ пра-

вахъ съ прочимъ населеніемъ возбудитъ въ средѣ послѣдняго недовольство, которое можетъ выразиться въ явленіяхъ столь же прискорбныхъ съ точки зрѣнія общегосударственной, сколь и нежелательныхъ въ видахъ правильнаго хода текущей дѣятельности правительства. Казалось бы—въ настоящій моментъ, когда все охвачено пожаромъ, заботиться о предотвращеніи еврейскихъ погромовъ въ интересахъ правильнаго хода правительственной дѣятельности — это все равно, что черпать океанъ ложкою, но комитетъ настолько боится этого недовольства, что онъ не довѣряетъ земскимъ управамъ, городскимъ думамъ и т. п., отзывы которыхъ предполагалось спросить для рѣшенія вопроса.

„Отзывы эти, несомнѣнно разнорѣчивые, весьма трудно было бы обобщить и свести въ нѣчто цѣльное; кромѣ того, въ виду почти полнаго отсутствія во многихъ мѣстностяхъ еврейскаго населенія, нѣкоторыя изъ указанныхъ учрежденій, не будучи практически знакомыми съ еврейскимъ вопросомъ, могли бы высказать заключеніе, основанное лишь на теоретическихъ соображеніяхъ".

Поэтому комитетъ министровъ рѣшилъ передать вопросъ на обсужденіе народнымъ представителямъ,—очевидно, полагая, что здѣсь не будетъ разнорѣчія, и что всѣ народные представители будутъ практически знакомы съ еврейскимъ вопросомъ, такъ какъ ихъ не будетъ, очевидно, отъ такихъ мѣстностей, въ которыхъ наблюдается „почти полное отсутствіе“ евреевъ. „Новое Время“ ехидно подмѣтило эту ахиллесову пяту и для большей послѣдовательности предлагаетъ устроить по еврейскому вопросу референдумъ. Достаточно будетъ Суворину сказать, что его интересы нарушаются равноправіемъ евреевъ, и недовольство изъ предположенія станетъ фактомъ, и еврейскій вопросъ получитъ правильное разрѣшеніе.

А пока что—готово еще одно „совѣщаніе“, которому поручается подробная и всесторонняя разработка имѣющихся матеріаловъ, тѣхъ самыхъ матеріаловъ, которые, по словамъ комитета министровъ, взаимно противорѣчатъ и являются „отраженіемъ предвзятыхъ взглядовъ, не всегда опирающихся на факты“. Работа предстоитъ долгая,—послѣ разработки матеріаловъ будутъ

устанавливаться „важнѣйшія составныя части вопроса“, потомъ будутъ выработаны главныя основанія для пересмотра законодательства о евреяхъ, потомъ будетъ произведенъ самый пересмотръ. До тѣхъ поръ еврейство будетъ истекать кровью и задохнется, быть можетъ въ желѣзномъ кольцѣ, сдавливающемъ его. Что же дѣлать? Зато вопросъ будетъ рѣшенъ по всѣмъ правиламъ государственной мудрости. „Правительству будетъ обезпечена возможность вполнѣ удовлетворительно разрѣшить еврейскій вопросъ въ томъ только случаѣ, если оно при своей работѣ приметъ во вниманіе взгляды на этотъ вопросъ русскаго населенія и, слѣдовательно, для того или другого своего рѣшенія найдетъ *твердую опору въ общественномъ мнѣніи.* Предлагаемый выходъ изъ настоящаго труднаго положенія, при наиболѣе правильномъ разрѣшеніи вопроса, будетъ имѣть еще ту важную положительную сторону, что правительство избавится отъ нареканій какъ со стороны евреевъ, такъ и со стороны прочаго населенія“.

Почему только въ еврейскомъ вопросѣ нужно искать опоры въ общественномъ мнѣніи и избѣгать недовольства населенія,—

объ этомъ журналъ умалчиваетъ. И здѣсь, очевидно, вся сила въ общественно-расовомъ элементѣ. Когда стѣсняются права всего населенія, когда все оно доводится до отчаянія, тогда его, повидимому, спрашивать незачѣмъ.

Еврейскій вопросъ, надъ которымъ бюрократическій строй мудрилъ больше, чѣмъ надъ другими вопросами, колеблясь между признаніемъ за евреями „одинаковыхъ правъ съ прочими жителями“ и признаніемъ ихъ органически-вредными, — естественно оказался камнемъ преткновенія для этой бюрократіи. Если по всѣмъ другимъ „вопросамъ“ комитетъ министровъ могъ найти еще способъ вновь перекроить заплаты, то здѣсь ему пришлось прямо признать свое безсиліе найти выходъ, который и не можетъ быть найденъ внѣ признанія за личностью ея человѣческихъ правъ.

Л. Я. ШТЕРНБЕРГЪ.

ТРАГЕДІЯ ШЕСТИМИЛЛІОНАГО НАРОДА.

Трагедія шестимилліоннаго народа.

Органы нашей „полицейской демагогіи *)“, органы гг. Суворинныхъ, Комаровыхъ, Грингмутовъ и имъ подобныхъ, къ которымъ кстати теперь присоединились всѣ губернскія вѣдомости, теперь въ одномъ страхѣ. Какъ бы съ накрываемаго стола свободы не попала кроха и тридцатипятимилліонному инородцу! И ночные хищники нашей реакціи завопили о сепаратизмѣ, объ узко-національныхъ эгоистическихъ задачахъ инородцевъ, подкапывающихся подъ благоденствіе Россіи. Больше всего, конечно, достается нашему шестимилліонному еврейству, которое-де неблагодарно благоденствуетъ въ изобиліи правъ, а нынѣ уже просто съ жиру бѣсится. Интересно бы

*) Выраженіе Н. Ф. Анненскаго изъ рѣчи его въ юридич. обществѣ.

взглянуть на эти права... Дѣйствительно-ли *узко-національны* ихъ требованія?...

Невольно возстаетъ передъ нами присно-памятный 1891 г., годъ изгнанія евреевъ изъ Москвы. Тысячи русскихъ гражданъ, мужчинъ и женщинъ, стариковъ и дѣтей, ежедневно насильственной рукой вырывались изъ ихъ жилищъ и, раззоренные, обезумѣвшіе отъ ужаса и обиды, усаживались въ поѣзда, увозившіе ихъ въ голодное изгнаніе. Не щадились прикованные къ постели больные, ни даже роженицы, которыхъ безжалостно стаскивали съ болѣзненнаго одра и предавали въ руки полиціи. Единственная вина этихъ людей состояла въ томъ, что они не желали измѣнять вѣрѣ своихъ предковъ!

Одной изъ такихъ жертвъ безсмысленнаго человѣконенавистничества удалось укрыться на время въ знакомой христіанской семьѣ. Преданная прислуга участвовала въ заговорѣ, иначе всемогущіе дворники не преминули бы донести на своихъ хозяевъ.

Старая няня, другъ дома, никакъ не могла понять причины происходившихъ жестокостей. „Можетъ ли это быть,—неизмѣнно повторяла она—у нашего Царя-

батюшки *всякая собака вольна жить, гдѣ ей угодно, а они нешто хуже собакъ*, прости Господи!

Вспоминается другой трагическій эпизодъ изъ той же эпопеи, скорбный разсказъ человѣка, который вынужденъ былъ стать ренегатомъ, чтобы спасти отъ ужасовъ изгнанія свою больную жену, только что разрѣшившуюся отъ бремени. „Я возвращался изъ полиціи, гдѣ услышалъ свой страшный приговоръ, не оставляющій мнѣ выбора между смертью жены и необходимостью ренегатства... Въ тупомъ отчаяніи я бродилъ по улицамъ, не находя себѣ исхода. Люди, эти равнодушные люди, уже не возмущали меня, но вдругъ я увидѣлъ бродячую собаку, благодушно проскользнувшую мимо меня, и мысль о собакѣ, имѣющей право жить невозбранно въ Москвѣ, Петербургѣ, вездѣ, вездѣ, какъ громомъ поразила меня, и я безумно разрыдался“...

Съ тѣхъ поръ, съ этого злополучнаго года, когда подъ аккомпаниментъ страшнаго голода, косившаго сотни тысячъ людей въ сердцѣ Россіи, пуще всего заботились о томъ, какъ бы очистить первопре-

стольную отъ „невѣрныхъ“, съ тѣхъ поръ ничего не измѣнилось. Наоборотъ, это было какъ бы лишь кровавымъ началомъ той медленной Варѳоломеевской ночи травли, гоненій, самаго беззастѣнчиваго произвола и насилія, которая тянется до сихъ поръ. Кульминаціонные пункты еще такъ свѣжи въ нашей памяти: Кишиневъ, Гомель, Могилевъ, милостивое обѣщаніе Плеве „сотворить жизнь евреевъ невыносимой“ (какъ будто она до того была выносима), если отцы не выдадутъ своихъ сыновей демократовъ... А теперь, въ настоящую минуту, милліоны русскихъ гражданъ, именуемыхъ евреями, не ждутъ развѣ со дня на день кроваваго продолженія дѣла гг. Уструговыхъ, Клингенберговъ, Колоколовыхъ и другихъ, имъ же нѣсть числа?...

Слова старой няни, оказавшейся не въ состояніи повѣрить въ то, чтобы люди могли быть безправнѣе собакъ,—лучшая формулировка той преступной трагедіи, которую почему-то называютъ еврейскимъ вопросомъ. Да, къ сожалѣнію, мало кто изъ не-евреевъ думаетъ и думалъ о томъ, и даже мало кто вполнѣ можетъ себѣ представить, что шесть милліоновъ русскихъ

гражданъ лишены тѣхъ элементарныхъ правъ, которыми пользуется любое домашнее животное! Шутка сказать, шесть милліоновъ людей, несущихъ всѣ тяготы русскаго подданства, платящихъ налоги, умирающихъ на поляхъ битвъ, въ потѣ лица вносящихъ свой трудъ въ общую сумму богатства страны, заперты на всю жизнь въ тѣсной клѣткѣ черты осѣдлости, гдѣ имъ другъ у друга приходится вырывать кусокъ хлѣба изо рта, и не имѣютъ права ни на одинъ день выѣхать за ограду своей національной тюрьмы. Вся Сибирь, Кавказъ, Остзейскій край, вся центральная Россія и, наконецъ, всѣ сельскія мѣстности внутри черты изъяты для евреевъ подъ страхомъ уголовнаго наказанія. Да, даже Сибирь! Въ эту обѣтованную землю своего великаго отечества еврей можетъ попасть не иначе, какъ предварительно учинивъ тягчайшее уголовное преступленіе, влекущее за собою, по крайней мѣрѣ, ссылку на поселеніе!..

Тѣ, которые незнакомы съ законодательствомъ и административной практикой о евреяхъ, могутъ подумать, что ограниченія въ правахъ передвиженія евреевъ есть простой архаизмъ, мало соблюдаемый

и до сихъ поръ не отмѣненный только по обычной бюрократической небрежности. Но это, къ сожалѣнію, глубокое заблужденіе. По отношенію къ евреямъ не только бюрократія, но даже и высшія судебныя инстанціи проявляютъ творчество и изобрѣтательность, невѣдомыя ни въ какой другой отрасли государственной жизни.

Недавно еще всю печать обошли душу раздирающія описанія облавъ, устраиваемыхъ по ночамъ въ Кіевѣ для изловленія безправныхъ евреевъ. „Обходы“ закона со стороны послѣднихъ доходили при этомъ до того, что люди заворачивали своихъ безправныхъ сестеръ и матерей въ саваны, въ надеждѣ спасти, такимъ образомъ, мнимыхъ покойниковъ отъ ужасовъ изгнанія. Въ исторіи человѣческихъ гоненій навсегда останется вписаннымъ кровавой строкой тотъ случай, когда дѣвушка въ саванѣ, обезумѣвшая отъ двойного ужаса, изъ мнимо-умершей обратилась въ дѣйствительную покойницу и, спасшись отъ полиціи, она навѣки спаслась, разъ навсегда, и отъ человѣческаго безчеловѣчія... Таково творчество бюрократіи въ соблюденіи законовъ о евреяхъ!..

Не менѣе рьяно дѣйствовали и въ законодательной области.

Въ 1882 году Плеве удалось внушить и провести т. наз. временныя правила, изгнавшія евреевъ изъ селъ и деревень черты осѣдлости, и понынѣ мѣстная администрація и даже сенатъ въ потѣ лица работаютъ надъ тѣмъ, чтобы всячески придать имъ наиболѣе распространительное толкованіе.

Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ генералъ Куропаткинъ издалъ циркуляръ, запрещающій евреямъ лѣчиться на минеральныхъ водахъ Кавказа. Въ той самой Ялтѣ, гдѣ невозбранно процвѣтаетъ пресловутое сословіе проводниковъ, торгующихъ собственнымъ тѣломъ, еврей, умирающій отъ чахотки, не можетъ подъ страхомъ наказанія испустить духъ свой подъ благороднымъ небомъ южнаго солнца! За годъ до своей смерти Плеве провелъ законъ, запрещающій даже евреямъ „полноправнымъ“ право пріобрѣтать клочекъ земли, хотя бы подъ загородный домъ или дачу. Это—случайные образцы угнетательнаго творчества. Но вотъ примѣръ изъ примѣровъ! Намѣстникъ пріамурскаго края—чрезвычайно деликатный человѣкъ. Когда ему

въ свое время докладывали о японцахъ, дѣлающихъ съемки въ Манчжуріи, онъ не находилъ возможнымъ вмѣшиваться въ это дѣло, ибо Манчжурія—арендованная территорія, истинный хозяинъ которой—Китай. Но въ то же время, когда дѣло коснулось возможнаго появленія въ краѣ евреевъ, онъ сразу забылъ объ истинномъ хозяинѣ страны и запретилъ всѣмъ евреямъ, кромѣ проститутокъ и г. Гинцбурга, селиться въ краѣ. Когда въ годъ холеры на Дальнемъ Востокѣ евреи-врачи, командированные въ Уссурійскій край, возвращались на родину, полиція ихъ въ Портъ-Артуръ не пустила и подъ конвоемъ выпроводила изъ города! Это по отношенію къ людямъ, относительно которыхъ даже законъ нашъ не знаетъ никакихъ ограниченій! Недаромъ евреи говорили: „Ну, теперь Манчжурія уже *наша*, потому что евреямъ тамъ жить не дозволяется!“.

И послѣ этого на поляхъ той самой мачихи-земли, гдѣ японскіе шпіоны имѣли всѣ преимущества передъ безправными русскими гражданами іудейскаго вѣроисповѣданія, эти послѣдніе положили 15 тысячъ жизней и столько же имѣютъ на своей шеѣ ранен-

ныхъ и увѣчныхъ! Невольно вспоминаются гуманные приказы главнокомандующаго о ротныхъ собакахъ и безпощадное глумленіе начальника тыла надъ евреями даже врачами...

У юристовъ есть утѣшительная поговорка: dura lex, sed lex! Жестокъ законъ, но законъ! Евреи даже этимъ не могутъ утѣшаться. По отношенію къ нимъ одной жестокости *закона* мало: всякое законное ограниченіе усугубляется всевозможными кривотолкованіями, а всякое облегчительное постановленіе закона обставляется какъ можно бо́льшимъ количествомъ ограниченій. Существуетъ, напримѣръ, ясный и опредѣленный законъ, что жена обязана жить при мужѣ, и право жительства мужа внѣ черты распространяется, слѣдовательно, на жену. Этотъ законъ столичная полиція умудрялась толковать до прошлаго года такъ, что дѣловая отлучка мужа изъ города хотя бы на 24 часа лишаетъ жену права жительства въ столицѣ!

И Плеве думалъ искупить Кишиневъ, отмѣнивъ въ законодательномъ порядкѣ эту практику, которая и безъ того была явно противозаконна!

Такъ называемыя антисемитскіе органы печати любятъ попрекать евреевъ тѣмъ, что де ремесленникамъ не возбраняется выселяться и за черту еврейской осѣдлости. Если бы это было въ дѣйствительности такъ и въ полной мѣрѣ, то и это нисколько не умаляло бы всей жестокости глумленія требовать отъ гражданина спеціальныхъ аттестатовъ для пользованія голымъ правомъ, дышать воздухомъ, правомъ, котораго лишаются всѣ другіе граждане только по суду за тягчайшее преступленіе, правомъ, которымъ, повторяемъ слова старой няни, невозбранно пользуются собаки, кошки и всякія другія животныя, именуемыя домашними.

Но въ дѣйствительности право ремесленниковъ на проживаніе внѣ черты обставлено столькими препонами и униженіями, что оно въ значительной мѣрѣ является простой фикціей и во всѣхъ случаяхъ грубѣйшимъ глумленіемъ надъ человѣческимъ достоинствомъ и правомъ. Недостаточно еврею-ремесленнику, желающему поселиться внѣ черты, представить въ полицію аттестатъ о своемъ званіи. Нѣтъ, это значило бы оказать ему слишкомъ много довѣрія. Необхо-

димо ему еще подвергнуться переэкзаменовкѣ въ мѣстной ремесленной управѣ. Тутъ передъ нимъ двойная перспектива. Если при испытаніи онъ оказывается выдающимся мастеромъ, то управа можетъ не пожелать имѣть въ его лицѣ конкуррента, и тогда она признаетъ его фальсификаторомъ, „обходчикомъ“ закона; если же онъ мастеръ посредственный, то онъ долженъ уплатить приличную контрибуцію, что для переселенца-ремесленника вещь не очень доступная. Но вотъ контрибуція уплачена, мытарства, казалось бы кончены, онъ легализировался. Но теперь только наступаетъ самая ужасная пора его существованія! Еженедѣльно будетъ являться околоточный провѣрять, дѣйствительно ли онъ занимается своимъ ремесломъ; въ переводѣ на простой языкъ это значитъ, что надо платить снова и на этотъ разъ регулярную контрибуцію. Стоитъ околоточному не получить, и выдвореніе готово! Но и при самыхъ мирныхъ отношеніяхъ терніи неизбѣжны. Достигъ его сынъ совершеннолѣтія, его выдворяютъ изъ столицы. Умеръ глава семьи, и не успѣли еще его безправное тѣло предать мачихѣ-землѣ, осиротѣвшей семьѣ его пред-

лагаютъ вернуться въ черту осѣдлости... Таково это милое право, и неудивительно, что ремесленники въ чертѣ предпочитаютъ умирать съ голоду, чѣмъ воспользоваться этимъ „собачьимъ“ правомъ.

Далѣе антисемиты любятъ попрекать евреевъ правами лицъ, окончившихъ университетъ, которымъ де все доступно, включая даже государственную службу. Но эти господа сами хорошо понимаютъ всю глубину лицемѣрія этого аргумента. Всѣмъ извѣстны, такъ называемыя, ограничительныя нормы относительно пріема евреевъ въ учебныя заведенія. При этихъ нормахъ только немногимъ счастливцамъ удается кончить гимназію, а изъ нихъ только едва десятой части удается поступить въ высшія учебныя заведенія. Но что ждетъ этихъ баловней судьбы? Если у кого-нибудь изъ нихъ есть чисто научныя наклонности, то, будь онъ самъ Ньютонъ, Савиньи, Шарко, ни одинъ университетъ не оставитъ его для приготовленія къ профессорской каѳедрѣ. Если онъ юристъ, онъ не имѣетъ права практики. Если онъ врачъ, то въ военное время его охотно пошлютъ на театръ военныхъ дѣйствій, а въ мирное

время ни одинъ губернаторъ не утвердитъ его въ должности. Если ихъ принимаютъ на государственную службу, то только въ тѣхъ случаяхъ, при которыхъ и вора снимаютъ съ висѣлицы, т. е. когда другого выбора нѣтъ, напримѣръ, въ сѣверныхъ округахъ Тобольской губ., Закавказьѣ и т. п. милыхъ мѣстахъ, куда не еврей ни за что не поѣдетъ. Отдѣльные случаи „снисходительнаго“ пріема евреевъ на службу такъ рѣдки и обставлены обыкновенно такими униженіями, что о нихъ говорить нечего.

Таковы въ общихъ чертахъ элементарныя права евреевъ, оставляя уже въ сторонѣ болѣе высокія права, какъ участіе въ дѣлахъ самоуправленія и т. д. Говоримъ — въ общихъ чертахъ, потому что „безправія“ евреевъ столь многочисленны, что недавно сдѣлано было распоряженіе о кодифицированіи этихъ „безправій“, которыя такъ разрослись, что даже спеціальные „отдѣлы“ губернаторскихъ канцелярій, вѣдающіе дѣла евреевъ, не въ состояніи правильно оріентироваться въ нихъ и —horribile dictu — сенатъ благодаря этому рѣшаетъ иногда дѣла въ пользу евреевъ противъ

кривотолковъ мѣстныхъ спеціалистовъ по еврейскому безправію. Словъ нѣтъ, велико безправіе всего русскаго народа, еще болѣе велики „безправія“ тѣхъ 35 милліоновъ, которыхъ огульно именуютъ инородцами, но въ сравненіи съ евреями всѣ остальныя, даже самые угнетенныя народности являются настоящей аристократіей. Армянинъ, полякъ, калмыкъ, татаринъ, угнетенные на своей родинѣ, имѣютъ еще нѣкоторый исходъ: переселеніе въ „русскія“ губерніи, гдѣ они являются полноправными гражданами. Здѣсь они имѣютъ неограниченныя права не только дышать воздухомъ, но заниматься, чѣмъ ему угодно.

Еврей лишенъ даже этого элементарнѣйшаго права. Въ лучшемъ случаѣ, если онъ даже всѣми правдами и неправдами удержался за чертой, онъ прикрѣпленъ къ своему „цеху“. Если онъ купецъ, онъ не можетъ открыть мастерской, если онъ ремесленникъ, онъ не можетъ сдѣлаться землевладѣльцемъ или купцомъ.

Таковы его права.

Но кромѣ такъ называемаго *законодательства* о евреяхъ, существуетъ еще нѣчто въ неизмѣримой степени худшее—это,

такъ называемая, *политика* по отношенію къ евреямъ.

Эта политика нѣсколько разъ мѣнялась но всегда она неизмѣнно шла въ направленіи угнетательныхъ экспериментовъ. Ни разу, даже въ эпоху въ общемъ мягкаго для евреевъ режима царствованія Александра II, эта политика не становилась на ту единственную точку зрѣнія, что евреи — русскіе подданные. На гражданство они не могли претендовать, потому что его вообще въ Россіи еще никогда не было. Но какъ подданные, они естественно должны были пользоваться всѣми правами, присвоенными всякому русскому подданному. Никому не приходило въ голову лишать поляковъ даже послѣ возстанія права на передвиженіе, права хозяйственнаго самоопредѣленія и вообще продѣлывать спеціальные опыты надъ ихъ элементарнѣйшими правами. Но по отношенію къ евреямъ это считалось неизмѣнно обязательнымъ...

Наиболѣе послѣдовательной политики держалась Елизавета, которая, выражаясь словами ея знаменитой резолюціи, „отъ враговъ Христовыхъ не желала никакой корысти“... При Николаѣ I евреи разсма-

тривались, какъ нѣкіе дикари, которыхъ во что бы то ни стало необходимо было привести къ одному знаменателю. Для этого сажали въ участокъ женщинъ съ бритыми головами, на улицахъ ловили мужчинъ и стригли имъ полы и пейсы, выдавали преміи выкрестамъ и доносчикамъ, освобождали отъ солдатчины колонистовъ и, наконецъ, по турецкому образцу, создавали цѣлые кадры православныхъ янычаръ изъ еврейскихъ дѣтей, которыхъ насильно вырывали изъ объятій матерей, увозили въ отдаленнѣйшія окраины, насильно обращали въ истинную вѣру и отдавали въ кантонисты... Въ либеральную эпоху Александра II исчезли наиболѣе жестокія формы николаевскаго времени, евреямъ были предоставлены нѣкоторыя права, отчасти подъ вліяніемъ либеральныхъ тенденцій, отчасти изъ политическихъ соображеній, для вящщаго руссификированія въ противовѣсъ окружающему ихъ польскому элементу, но *противогосударственный* взглядъ на евреевъ царилъ во всей своей силѣ: евреи разсматривались не какъ русскіе подданные, не какъ субъекты правъ и обязанностей, а съ точки зрѣнія ихъ якобы полезности для государства. Ку-

пецъ 1-ой гильдіи, лицо съ университетскимъ дипломомъ, еще, пожалуй, человѣкъ, имѣющій ремесленный аттестатъ,—считались элементомъ терпимымъ; но еврей вообще, еврей безъ дипломовъ, гильдейскихъ и ремесленныхъ свидѣтельствъ — считался элементомъ подозрительнымъ и подлежалъ только великодушію администраціи.

Но все же да будетъ помянута добромъ и признательностью эта мимолетная эпоха, когда, благодаря временному просвѣту, еврейская интеллигенція пріобщилась къ общимъ идеаламъ, и этимъ положено было начало пробужденію и обширной массы еврейства къ правовому и соціальному самосознанію!..

Въ реакціонную эпоху, воцарившуюся съ 1881 г., даже такое отношеніе къ евреямъ оказалось чудовищно-либеральнымъ.

Евреи просто-на-просто были объявлены *врагами народа*. Ужасъ этой формулы не столько въ ея содержаніи, сколько въ мотивахъ, ее создавшихъ. Каково бы ни было отношеніе къ евреямъ въ предыдущіе періоды, но оно имѣло нѣкоторое оправданіе въ искренности. Невѣжество, атавизмъ средневѣковья, тенденціи просвѣщеннаго деспо-

тизма — были во всякомъ случаѣ искренни.

Но то, чѣмъ руководились въ послѣдующую эпоху, было сплошное смѣшеніе лицемѣрія и злобы. Это—любопытная страница бюрократической психологіи не только съ точки зрѣнія еврейскаго вопроса!

Великая вина еврейскаго народа въ глазахъ дѣятелей ихъ судьбы заключалась въ томъ, что въ оппозиціонномъ движеніи того времени — horribile dictu — оказались замѣшанными и евреи. „Какъ, — негодовали они, — тѣ самые длиннополые, которыхъ мы изъ милости пустили въ гимназіи и университеты, и которые по гробъ жизни должны руки и ноги намъ цѣловать за это, обнаглѣли настолько, что позволяютъ себѣ съ открытымъ забраломъ писать либеральные статьи въ газетахъ и журналахъ, носить красныя рубашки, ходить въ народъ и требовать свободы и соціальной справедливости?“ Пусть только небольшой процентъ евреевъ повиненъ въ этой измѣнической наглости, но за нее должны понести кару — всѣ, отцы и матери, братья и сестры, все что родственно и близко этому змѣиному отродью! Вы об-

наглѣли отъ образованія, мы закроемъ вамъ всѣ доступы къ нему! Вы залѣзли въ литературу, мы на васъ выпустимъ цѣлую свору Суворинныхъ, Комаровыхъ, Шульгиныхъ, Юзефовичей, Крушевановъ. Мы отравимъ ядомъ ненависти къ вамъ всю нашу массу, которая еще не научилась отличать правды отъ лжи. И если вамъ этого мало, мы вамъ устроимъ погромы! Мы объявимъ васъ кровопійцами, эксплоататорами, развратителями, врагами царя и народа, нашлемъ агитаторовъ, дворниковъ, полицейскихъ, изгонимъ васъ изъ селъ и деревень и устроимъ вамъ кровавыя потасовки въ городахъ!.. Это называлось тогда „народнической“ политикой. Тѣ самые, которые замышляли вернуть времена крѣпостного права и отдать все крестьянство въ руки помѣщиковъ, являлись демагогами, когда дѣло касалось евреевъ. Имѣлось тутъ, впрочемъ, въ виду убить при этомъ еще и другого зайца. Напуганные небывалымъ движеніемъ, творцы судебъ русскаго государства находили полезнымъ не только дать благодѣтельный урокъ зазнавшимся евреямъ, но открыть исходъ народному возбужденію, отвлекая его отъ

„истиннаго врага“ на первую брошенную имъ жертву. Это испытанный методъ, которымъ еще въ средніе вѣка мудро пользовались свѣтскіе и духовные владыки, когда въ моменты народныхъ бѣдствій требовалось дать удовлетвореніе народному гнѣву. „Вотъ виновники всѣхъ бѣдъ! — говорили они, указывая на евреевъ, — это они, которые Христа распяли, теперь отравляютъ колодцы и приносятъ вамъ чуму, голодъ, моровую язву!“ Наивные, темные люди вѣрили этой чудовищной лжи, и лились рѣки крови...

Казалось, что первый опытъ погромовъ, вызвавшій негодованіе всего міра, долженъ былъ разъ навсегда убѣдить въ нецѣлесообразности его. На время, дѣйствительно, его оставили, ограничиваясь массовыми изгнаніями изъ Москвы, Ялты и всякихъ другихъ городовъ внѣ черты и цѣлымъ рядомъ новыхъ и новыхъ стѣсненій. Но увы, кровавому опыту суждено было повториться въ еще болѣе ужасающихъ размѣрахъ. Великій чудотворецъ, всемогущее время совершило чудо. Безправная, забитая, полуумирающая съ голоду многомилліонная масса, вопреки всему, вопреки всѣмъ

стихіямъ, проснулась! Великое чувство свободы, могучее сознаніе своего права на счастіе и человѣческое достоинство какъ электрическимъ токомъ охватило ее отъ края до края.

Та культурная сила, которая до того втеченіе тысячелѣтій исключительно направлялась въ сторону религіознаго самосохраненія, обратились въ плодотворную почву для идеи человѣческой солидарности и соціальной справедливости. И сила эта заговорила. Никакіе запреты и ограниченія не могли остановить ее. Тогда... взялись за старое средство—погромы.

Не останавливались ни передъ чѣмъ, чтобы навести паническій ужасъ на массу. Всѣ фиговые листы были сброшены. „Выдавайте демократовъ, — говорили Колоколовы, — и не будетъ погромовъ; не пожелаете,—вырѣжемъ всѣхъ“.

Тѣмъ же языкомъ утѣшалъ Плеве еврейскую депутацію гор. Кишинева: „Если не уймете демократовъ, я сдѣлаю жизнь вашу невыносимой!“ Такова была любовь его къ „метафорамъ“. Онъ сдержалъ слово не метафорически: за Кишиневымъ послѣдовалъ Гомель, Могилевъ, Николаевъ и т. д., и т. д.

И въ настоящую минуту тѣ темныя силы, которыя мобилизованы для усмиренія интеллигенціи, во главѣ угла громко выставляютъ евреевъ, какъ самыхъ главныхъ виновниковъ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Россію. И кто знаетъ, быть можетъ не пройдетъ нѣсколькихъ дней, какъ невинная кровь еврейскаго народа потоками будетъ литься по городамъ и весямъ несчастной черты...

Но есть великое утѣшеніе! Одиночество еврейское кончилось. Величайшій ужасъ положенія до самаго послѣдняго времени лежалъ въ сознаніи, что горе еврейское еще не раздѣляется въ широкихъ кругахъ русскаго народа. Казалось, что ядъ антисемитизма, столь щедро разносившійся Суворинымъ, Комаровымъ и Комп., находившій себѣ столь благодатную поддержку среди атмосферы молчанія и произвола, отравилъ даже наиболѣе здоровые элементы. Какимъ ужаснымъ ударомъ было, что ни одинъ городъ, ни одно земство въ Россіи не откликнулось на ужасы Кишинева и Гомеля!...

Теперь завѣса открылась! То что было *еврейскимъ* горемъ, стало *общимъ* горемъ,

То, что не было понято въ Кишиневѣ, теперь раскрылось на улицахъ Курска, Тамбова, Нижняго, Баку.

Вопль свободы и права сталъ общимъ, и нѣсть нынѣ ни эллина, ни іудея, и многострадальная еврейская масса и интеллигенція, столь долго и страстно протягивавшія свои братскія руки всѣмъ народамъ Россіи, нынѣ съ безграничной вѣрой и энтузіазмомъ протягиваютъ ихъ на горе и радость, на жизнь и смерть. Въ этомъ союзѣ и только въ немъ всѣ народы Россіи обрѣтутъ, наконецъ, свое право... Таковы инородческія *узко-національныя* чаянія!

Библіотека
Социалистической
Академіи

Оглавленіе

	стр.
Предисловіе	I—III
І. В. Гессенъ. Наканунѣ XX вѣка	5—99
I. Законъ	5
II. Практика.	38
III. Палліативы	82
М. Б. Ратнеръ. Современная постановка еврейскаго вопроса	99—148
І. В. Гессенъ. Еврейскій вопросъ въ комитетѣ министровъ	149 - 162
Л. Я. Штернбергъ. Трагедія шестимилліоннаго народа	163—187